

Стенограмма парламентских слушаний на тему

«Концепция родительско-детских отношений в Семейном кодексе Российской Федерации»

30 марта 2017 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Мы можем начинать работу. Тема наших парламентских слушаний – "Концепция родительско-детских отношений в Семейном кодексе Российской Федерации". Мы с вами в этом месяце встречаемся второй раз, но мы договаривались о том, что очень плотно сейчас сопровождаем эту тему, с тем чтобы нам все-таки завершить работу над законопроектом, касающимся внесения изменений в статьи Семейного кодекса, регулирующие лишение родительских прав, ограничение в родительских правах, отобрание ребенка, и ряд смежных статей. Мы на прошлых парламентских слушаниях договорились, что еще подготовим поправки в статьи 121, 122 и 123 Семейного кодекса, касающиеся признания ребенка... ну, или присвоения ребенку статуса оставшегося без попечения родителей, процедур его выявления как оставшегося без попечения родителей, обследования условий жизни ребенка. Фактически эти процедуры и являются основаниями для того, чтобы сделать окончательные выводы.

На сегодняшних парламентских слушаниях будет четыре доклада (и я бы хотела на это обратить внимание), касающиеся нашей темы родительско-детских отношений. И применительно к самой теме очень важно сегодня действительно найти некоторую модель, учитывающую не только традиции российской семейной культуры, но и современные реалии выстраивания родительско-детских отношений. Потому что по большому счету от того, какая модель будет найдена и закреплена в Семейном кодексе Российской Федерации на предстоящие годы, будет зависеть, каким будет институт семьи в России, а в конечном счете – как будет развиваться Российская Федерация. Потому что, если мы будем по-прежнему стоять на той позиции, что лучшими защитниками ребенка являются внешние институты, а не семья, не родители, вряд ли у России будет какая-либо перспектива сохранения собственной государственности. Потому что семья по меньшей мере во всей истории России – это тот институт, тот фундамент, благодаря которому история России насчитывает более 1000 лет. На наших гигантских просторах невозможно обеспечивать, осваивать эти просторы, сохранять целостность России без семьи, без крепкой семьи, дружной семьи, многопоколенной семьи. И какими бы ни были современные угрозы такому институту традиционной семьи, мы должны учитывать особенности российских реалий, особенности российской истории и поддерживать этот институт.

Конечно, когда-то многопоколенная семья и связь поколений обеспечивались за счет того, что жили в одном месте, в одном большом доме. Сейчас другие реалии, но связи между поколениями точно так же сохраняются. И, более того, эта потребность к взаимодействию разных поколений в одной семье появилась и растет.

Люди (бабушки, дедушки, внуки, дети, родители, братья, сестры), проживая отдельно, тем не менее поддерживают друг друга. Вот эта потребность к тому, чтобы сохранять взаимодействие, есть. И статистические данные свидетельствуют о том, что такого рода связи многопоколенной семьи не обязательно должны строиться на совместном проживании, по одному месту жительства. Важны вот эти отношения, забота друг о друге, помощь, взаимодействие. Наверное, учитывая эти современные реалии, мы тоже могли бы поддерживать и с помощью законодательства институт семьи, и многопоколенной семьи.

Я хотела бы обратить внимание на то (и думаю, что сегодня мы тоже будем это обсуждать), что фактически сегодня из законодательства исчезло то, что составляет суть семьи, и прежде всего традиционной семьи, – это кровные связи, кровная семья. Действительно, сегодня реалии изменились. У нас появились термины в законодательстве "замещающая семья", "приемная семья", "биологические родители". И если еще недавно биологические родители, в общем-то, были примерно тем же самым, что кровные родители, сегодня мы знаем, что это не так, потому что кровные родители (да, это основа, это классика, это традиция) – это те, кто собственно зачал ребенка, мать, выносившая этого ребенка. Но у нас есть биологические родители, которые отдают свой биоматериал, и этот биоматериал, как бы это жестко и технологично ни звучало, может помимо чрева матери быть использован, соответственно, и зачат, и зачатие может состояться вне чрева матери. И тогда суррогатная мать, если вдруг она становится тем, кто вынашивает этого ребенка, кто? Она кровная мать, потому что ведь девять месяцев, находясь в ее утробе, ребенок фактически живет за счет крови этой матери. То есть, естественно, это тоже новые реалии.

И в связи с этим нам никуда не уйти в рамках родительско-детских отношений от вопросов о том, чтобы вот этот статус – кровная семья, кровные родители дифференцировать, выделить в законодательстве и обеспечить защиту и сохранение вот этой первичной семьи. Может быть, участники парламентских слушаний посчитают, что это уже все устарело и это ненужно, но сейчас, занимаясь в том числе мониторингом, связанным с изъятиями из семей, мы столкнулись с тем, что прежде всего страдает в рамках изъятий ребенок, изъятый именно из кровной семьи. И это особенно болезненный разрыв не только для родителей, но и для ребенка. И все, кто занимается детьми и защищает их либо профессионально работает, знают, что зачастую такого рода стрессы, которые

переживает ребенок, изъятый от кровных родителей, могут быть непредсказуемыми и последствия для его последующего взросления тоже могут быть самыми плачевными, возможно, даже невосстановимыми, невосполнимыми.

Эти моменты, я думаю, сегодня будут обсуждать все, кто будет выступать с основными докладами, и в дискуссии – участники парламентских слушаний. Я надеюсь, что мы выработаем соответствующую позицию.

Еще раз хочу обратить внимание, что все материалы парламентских слушаний мы опубликуем и, скорее всего, сделаем одним сборником – от 3 марта и от 30-го. Те, кто, может быть, будет выступать либо не будет выступать, но подготовил свое выступление, можете тексты передать, мы их обязательно учтем.

3 марта у нас не было проекта рекомендаций, и сегодня мы также его не раздавали. Но мы подготовим по итогам слушаний от 3 марта и от сегодняшнего дня проект рекомендаций, который будет содержать положения, связанные с законопроектом, рабочая версия которого есть и у нас в комитете, и в комиссии, но который мы пока не выносили на публичное обсуждение. Возможно (сегодня я проговаривала некоторые моменты), было бы хорошо версию такого законопроекта после парламентских слушаний (уже двух) все-таки обсудить, например, в Москве.

Я сегодня разговаривала с Владимиром Аршаковичем Петросяном применительно к их вариантам, как у них происходят процессы, скажем так, изъятия или как решается вопрос о судьбе ребенка, когда он оказывается в такой ситуации, где фактически родители не могут обеспечить ему защиту и уход. И их практика, насколько мы знаем и от родительских организаций, заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание. Поэтому, возможно (это мы проговаривали), такого рода законопроект мы вынесем уже на обсуждение на той площадке. Это решим, в том числе и по итогам сегодняшних парламентских слушаний.

Проект рекомендаций, который мы подготовим, мы направим участникам парламентских слушаний, кто захочет посмотреть их, прежде чем окончательный текст вынесем на утверждение в нашем Комитете по конституционному законодательству и государственному строительству.

Регламент у нас для докладов – 10 минут, в выступлениях, прениях – до семи минут. Просьба придерживаться регламента. Желающих выступить много. Кто не записался, пожалуйста, в письменном виде можете направить свою записку, укажите, пожалуйста, фамилию, имя, отчество и организацию или место работы, кого вы представляете, или сами себя, если вы тем более ученый или специалист. Хорошо?

Тогда еще раз от имени Валентины Ивановны Матвиенко, от нашего Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, Андрея Александровича Клишаса мы желаем удачи всем участникам наших парламентских слушаний и надеемся, что они будут конструктивными, как это было всегда. Спасибо.

Я предоставляю слово для доклада Татаринцевой Елене Александровне, кандидату юридических наук. Тема – "Семейные правоотношения между родителями и детьми: проблема гармонизации частных и публичных интересов". Елена Александровна выступает с докладом и от имени Ильиной Ольги Юрьевны, доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского права юридического факультета Тверского государственного университета. Она наш эксперт, тоже член временной рабочей группы по совершенствованию семейного законодательства при координационном совете. Но Ольга Юрьевна сегодня, к сожалению, заболела, поэтому единый доклад представляет сегодня Елена Александровна.

Пожалуйста, Вам слово, Елена Александровна.

Е.А. ТАТАРИНЦЕВА

Спасибо большое, Елена Борисовна.

Уважаемые участники парламентских слушаний, позвольте представить вам свой доклад. Сегодня проблемы, связанные с семейными правоотношениями между родителями и детьми, перестают быть проблемами только самой семьи, они становятся значимой частью государственной политики. Правовая связь между родителями и ребенком подвергается существенной трансформации со стороны государства и общества, и это требует новых подходов к гармонизации частных и публичных интересов, к решению задачи по воспитанию полноценной человеческой личности в семье.

В нашей стране основной моделью детско-родительских правоотношений является традиционная модель. Основу традиционной модели и ее разновидностей составляют кровнородственные связи между родителями и детьми и их признание со стороны государства. Эта модель получила закрепление в Семейном кодексе, ее совершенствование должно стать одним из приоритетных направлений государственной семейной политики.

Одним из специфических признаков традиционной модели детско-родительских правоотношений является преимущественное право родителей на воспитание ребенка. Одним из основных признаков является юридическое преимущество таких правоотношений, основанное на фактических отношениях, кровнородственной связи. Следовательно, фактическое преимущество влечет за собой преимущество юридическое, и тем самым закон охраняет естественное право

родителей на ребенка, на его личное воспитание, предусматривая возможность его судебной защиты. Об этом говорит тот факт, что родитель, даже лишенный родительских прав, имеет право требовать отмены усыновления и оспаривать любые действия (бездействие) опекунов или попечителей. Таким образом, Семейный кодекс сохраняет традиционный подход, где право родителей на воспитание ребенка подвергается минимальному правовому регулированию. В то же время Семейный кодекс не употребляет термин "преимущественное право", наделяет при этом опекунов и попечителей правом требовать возврата ребенка от любых лиц, удерживающих его у себя, на основании закона.

Таким образом, эти права между собой по содержанию аналогичны. Это приводит к противопоставлению, к конкуренции этих прав, а следовательно – к утрате авторитета родительства, дисгармонизации частно-публичных интересов, когда орган опеки и попечительства, используя свое преимущественное право, может вмешиваться в автономию семьи, в том числе без достаточных оснований изъять ребенка из семьи. Следовательно, законодательное укрепление основ преимущественного права родителей – это основа укрепления родительства в семье, государства и общества.

Сегодня государство у нас является активным участником семейных правоотношений, поэтому особое значение приобретают вопросы ответственности государства как участника публичных правоотношений. Российская Федерация присоединилась к двум конвенциям (полные их названия на слайде) – Гагской конвенции 1980 года и Гагской конвенции 1996 года (это так называемые детские конвенции). Это источник права. Так как мы присоединились к ним, мы обязаны исполнять то, что там написано. То есть они могут стать моделями детско-родительских правоотношений, которые соответствуют международным стандартам. Так как эти конвенции – источник права, нам необходимо поговорить о введении новых правовых понятий, таких как "родительская опека" и "право доступа к ребенку". То есть в новой модели родитель одновременно выступает как родитель и как опекун. Такое понимание, конечно, сложно для российского менталитета, но исходя из обязанности Российской Федерации, предусмотренной Гагской конвенцией, принимать все необходимые меры для того, чтобы устранять препятствия для применения данной Конвенции, нам необходимо решить вопрос: а насколько вообще это понятие – "право опеки" – чуждо российскому законодательству? Надо сказать, что в международных документах "право опеки" трактуется как широкое понятие, его не обязательно нужно трактовать как синоним слова "опека", поскольку в данном случае оно употребляется безотносительно к тому или иному национальному порядку. Основу слов "право опеки" составляет словосочетание "забота о личности ребенка", то есть основополагающее – это забота о ребенке. А это у нас есть в пункте 1

статьи 63. Таким образом, родительская опека – это личные родительские права и обязанности, которые возлагаются на родителей Конституцией.

Надо сказать, что признание родителей опекунами не является новым для российского законодательства. Если мы внимательно посмотрим на прошлое, то статья 71 Кодекса законов о браке, семье и опеке прямо предусматривала, что родители и усыновители признаются опекунами и попечителями без специального назначения. То есть родители представляют собой сегодня единый неделимый статус, основу которого составляет принцип равенства родительских прав и обязанностей. То есть путем введения этих понятий можно было бы вообще посмотреть на путь гармонизации частных и публичных интересов.

На слайде представлено, что, по нашему мнению, могло бы привести... когда родитель представляет собой одновременно... то есть он исполняет функции частного лица и представителя публичной власти.

Надо сказать, что длительный переход от соблюдения традиционных семейных ценностей, конечно, не замедлил сказаться на семье. Это выразилось не только в кризисе семейных отношений, но и в воспроизводстве новых, ранее не признаваемых форм семейных союзов. Их возникновение в немалой степени обусловлено правоприменительной практикой Европейского суда по правам человека. В новых, нетрадиционных моделях детско-родительских правоотношений на роль родителя одного ребенка претендует несколько лиц. Этому, конечно, способствует и снижение рождаемости, которое наблюдается в европейских странах. На слайде представлено 11 стран, среди которых Российская Федерация занимает более-менее стабильное положение, что является положительным фактором (это по данным Евростата).

Традиционные для Европы малые семейные союзы становятся еще меньше. Так, по данным Евростата (это последние данные), в 2015 году почти две трети всех домохозяйств состояли только из одного-двух человек. На слайде представлено, что даже в европейских странах с мусульманским населением идет везде снижение рождаемости.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А у нас нет?

Е.А. ТАТАРИНЦЕВА

У нас более-менее стабильно, мы занимаем второе место – вот 13,2 и 13,3 на душу населения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, у нас рождаемость очень сильно выросла. Очень выросла.

Е.А. ТАТАРИНЦЕВА

Это на тысячу человек.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. Суммарный коэффициент рождаемости...

Е.А. ТАТАРИНЦЕВА

Да, это общий коэффициент рождаемости.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну и этот тоже.

Е.А. ТАТАРИНЦЕВА

Конечно, это очевидно положительный фактор.

Далее. Более половины всех типов домохозяйств в Европе составляли пары без детей, то есть 60 процентов в Европе живут без детей. Больше всего детей в Ирландии, а меньше всего – в Швеции. Вот, пожалуйста, представлено на слайде в процентном отношении (тоже по данным Евростата).

Но, к сожалению, и для России сегодня следует констатировать наличие проблем, которые были характерны ранее для европейских стран. Данные Росстата свидетельствуют о том, что в России число супружеских пар с детьми уступает числу неполных семей, состоящих из одинокого взрослого и одного или нескольких детей. Причем, обратите внимание, отцы в этом плане преобладают. Это приводит к тому, что и в России сегодня наряду с основными моделями детско-родительских правоотношений все большее развитие получают такие новые социальные модели, которые изменяют правило двух и предполагают воспитание ребенка в семье несколькими лицами, которые как связаны, так и не связаны с ребенком генетически. То есть на первый план сегодня выходит не супружеский, а родительский статус.

В связи с положением, которое сложилось в странах Европы, в основу концепции Европейского суда по правам человека положена сегодня концепция нерасторжимости детско-родительских правоотношений. То есть супруги между собой развестись могут, родители с детьми развода, конечно, никогда не получают.

На слайде представлены основные положения этой концепции (я просто их не зачитываю, чтобы сэкономить время). И на основании этого в ЕСПЧ предложены новые модели детско-родительских правоотношений. Первая из них – это модель правоотношений, которая возникает между ребенком, рожденным суррогатной матерью в другом государстве, и его генетическим отцом (супругом-заказчиком). Это было постановление по аналогичным делам "Маннессон (Mennesson) против Франции", "Лабассе (Labassee) против Франции" от 26 июня 2014 года, когда в США признали свидетельство о рождении, а во Франции признали только со стороны ребенка правовую

связь. Таким образом, была признана важность биологического родительства, как компонента индивидуальности ребенка. ЕСПЧ, с одной стороны, защитил право ребенка, но одновременно отказал в защите матери. Таким образом, был создан баланс в детско-родительских правоотношениях, потому что частные интересы ребенка, рожденного суррогатной матерью, были поставлены выше публичных интересов государства и общества.

Из этого следует следующий вывод: основания возникновения родительских прав и обязанностей теперь не связываются исключительно с кровным происхождением. Семейные отношения, как указывает ЕСПЧ, могут возникать из договора с целью дополнения или замены биологических семейных отношений.

Следующая модель, которая буквально 24 января 2007 года... Перед этим признавали возможность существования биологической (кровной) связи между ребенком, появившимся на свет в результате заключения договора, и супругами-заказчиками, которые не связаны с ребенком. Это знаменитое дело "Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии", когда ребенок, рожденный в России, попал в Италию и до сих пор там находится в приемной семье, а супругам-заказчикам отказали (я читала буквально последнее постановление), как говорится, быть усыновителями. Таким образом, коммерческое суррогатное материнство в настоящее время рассматривается (именно в Италии приравнивали) как торговля людьми. Правоотношения здесь не созданы.

Было подчеркнуто, что красивое и здоровое тело, конечно, является экономическим ресурсом государства, но прогресс на этом не должен останавливаться.

Одной из новых моделей правоотношений, получившей признание в практике Европейского суда, является модель правоотношений с участием биологического отца, которая возникает на основании решения суда. Это были знаменитые дела "Анайю (Anayo) против Германии", "Шнайдер (Schneider) против Германии", где ЕСПЧ развил основные принципы наделения родительскими правами биологических отцов.

Надо сказать, что Европейский суд подверг сомнению, что наилучшие интересы ребенка, у которого биологический и законный отец – это разные люди, могут быть защищены правовой презумпцией отцовства мужа матери. То есть речь идет об опровержении правовой презумпции, так как одним из правовых последствий этого следует, что мать ребенка и законный отец вправе запретить биологическому отцу видеться с ребенком.

Далее. ЕСПЧ отверг, как он сказал, стереотипные представления о традиционных семейных отношениях и потребовал открыто находить баланс между конкурирующими интересами всех

участников правоотношений, восстановить законное равновесие между законным и биологическим родителем, и, наконец, установил, что даже при отсутствии семейной жизни между ребенком и биологическим отцом у последнего возникают право доступа и право на получение информации о ребенке.

Но должно быть одно условие: этот интерес должен проявляться как до рождения ребенка, так и после рождения ребенка. Поэтому на сегодняшний день понятие "биологический отец" – это не только социальное понятие, это правовая категория. Поэтому факт наличия кровного родства с ребенком в совокупности с фактом намерения биологического отца участвовать в воспитании, выражаемого как до, так и после рождения, установленного решением суда, является еще одним основанием возникновения родительских прав и обязанностей по отношению к ребенку.

И последняя модель (я понимаю, что уже по времени, наверное, немножко перебрала). Надо сказать, что последняя модель – это модель отношений с участием ребенка, его законными родителями, которые как связаны, так и не связаны кровными узами, но имеют (как правило, не связаны) тесные эмоциональные связи. Основанием послужило дело "Назаренко против России", и на это тоже придется обратить внимание. То есть с точки зрения концепции родительских отношений речь идет о функциональном повороте семейного права, где критериями юридического признания родителей выступают поведение, подобное родительскому, и второе – наличие близкой эмоциональной связи с ребенком. То есть мы говорим об усилении концепции психологического родительства и приравнивании, полном приравнивании социального родительства к биологическому родительству. Психологическим родителем может стать его биологический родитель, но самое главное – чтобы он любил, заботился и эмоционально был привязан к ребенку. То есть мы говорим о возможности появления у ребенка двух законных отцов, которые являются таковыми независимо от возникновения родительских прав и обязанностей. И на сегодняшний день такое положение противоречит российскому законодательству, да и европейскому тоже, где традиционно ребенок имеет двух родителей – мать и отца.

Таким образом, постановление Европейского суда свидетельствует о постепенном отходе от признания родительского статуса, который основан на генетических связях, на брачных отношениях, на способности экономически поддерживать ребенка, и концентрирует внимание правоприменителя на лице, готовом и способном осуществлять главную родительскую функцию – воспитание ребенка в интересах последнего. Но при всем при этом, несмотря на юридическое признание различных типов отцов (у нас есть теперь и приемный, и биологический, и генетический отец, и психологический добавился), полноправным родительским статусом по-прежнему обладает законный отец ребенка,

который проживает с ним совместно и занимается его воспитанием. То есть опять возвращаемся к традиционным ценностям. Таким образом, Европейский суд, несмотря на все свои пожелания и решения, поддерживает традиционные семейные ценности, которые наилучшим образом обеспечивают воспитание ребенка в семье. И для нас это, естественно, является незыблемой основой. Все, спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Елена Александровна.

Вы подняли много очень острых тем. Я думаю, что дискуссия тоже будет очень острой. Но я хотела бы обратить внимание, что при обсуждении всех вопросов, касающихся судьбы института семьи в России, нужно учитывать наши особенности, в том числе территориальные, исторические. И надо понимать и отдавать отчет в том, что не сохранить Россию в таких пределах, если у нас будут разрушены кровнородственные связи и институт традиционной семьи.

Я не знаю, наверное, есть такие люди и в современной России, которые готовы разрушить Россию и нашим потомкам не оставить ее в том виде, в каком получили ее мы. Но я лично буду делать все, чтобы наши потомки получили Россию еще более мощную, сильную, процветающую и счастливую. Без института традиционной семьи нам этого сделать не удастся. А традиционная семья – это защита кровнородственных связей обязательно и выделение кровной семьи как одного из типов семьи, который нуждается в защите. Сегодня она не защищена вообще. Даже термин "кровная семья" у нас в законодательстве отсутствует, нет семейсбережения кровной семьи, и даже в идеологии. Но есть другие явления, на которые очень правильно сейчас обратила внимание Елена Александровна. Давайте думать, как сделать так, чтобы совместить, казалось бы, несовместимое. Но я думаю, что кто ищет – тот всегда найдет варианты согласования. Поэтому предлагаю эту дискуссию начать. Я думаю, что и основные докладчики тоже где-то аналогичные вопросы, но в другом контексте затронут.

Я предоставляю слово для доклада Летковой Ольге Владимировне. Тема – "Предложения родительской общественности о совершенствовании законодательства в сфере родительско-детских отношений". Ольга Владимировна – юрист, председатель Совета по защите семьи и традиционных семейных ценностей при Уполномоченном при Президенте по правам ребенка и председатель Ассоциации родительских комитетов и сообществ.

Кстати, я хотела бы обратить внимание участников: если у вас есть вопросы к докладчикам, вы можете их направлять в письменном виде. У нас по окончании общей дискуссии будет время для ответов на вопросы. Поэтому, пожалуйста, можно будет и устно задать, и письменно.

Пожалуйста, Ольга Владимировна.

О.В. ЛЕТКОВА

Спасибо.

Здравствуйте, уважаемые участники слушаний! Хочу поблагодарить в первую очередь Елену Борисовну и президиум за предоставленную мне возможность высказать свои предложения, предложения родительской общественности, сделать основной доклад на тему, каким родительская общественность видит будущий Семейный кодекс, как его следует изменить, для того чтобы совершенствовать родительские отношения так, чтобы институт семьи действительно у нас был незыблем и процветал.

Нужно сказать, что право и обязанность по воспитанию детей установлены в Конституции Российской Федерации, в статье 38, и Семейный кодекс – это тот нормативный акт, базовый, основной нормативный акт, который призван реализовать эти конституционные гарантии. И, действительно, в Семейном кодексе содержатся положения, которые точно так же говорят о том, что родители имеют право на воспитание своих детей и ребенок имеет право на семью. Ну и как бы на этом всё. Нужно сказать, что эти положения дальше не раскрыты и не развиты. Это не какой-то злой умысел, а просто есть такие общепонимаемые вещи, которые никогда не было никакой нужды прописывать в законодательстве, поскольку это естественные вещи и это естественная система права, на которой строится наше право, это сами собой разумеющиеся вещи.

Но на сегодняшний день мы пришли к такому положению, когда права родителей, право на воспитание в частности, подвергаются всяческой трансформации, сомнению и внедряются другие законы, которые параллельно с теми базовыми нормами, которые существуют сегодня в Семейном кодексе, также и попирают на самом деле права родителей. Поэтому, если говорить о том, какова сегодня ситуация, мы считаем, что действительно назрела острая необходимость изменения Семейного кодекса, концептуального изменения, серьезного изменения, систематического изменения для того, чтобы ввести целый ряд концептуальных положений, которые бы обезопасили семью.

В первую очередь это система принципов. Говоря о традиционной системе, о традиционных ценностях, о которых сегодня уже начали говорить, я скажу, что наша ассоциация, которая состоит из уже 80 общественных организаций из разных регионов страны (и мы уже 10 лет занимаемся этой проблемой), создала концепцию возрождения семьи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и в этой концепции вывела ряд принципов на основе наших давних традиций, ну и собственно нашей естественной системы права, которые могли бы быть введены в действующее законодательство.

В первую очередь это принцип уважения к природе семьи и ее естественному назначению. Коротко можно сказать, что главное в системе детско-родительских отношений, в отношениях публичного и частного, в соотношении, все-таки то, что государство должно признавать особое положение материнства и отцовства, в частности, что ведение семейного домашнего хозяйства и труд по воспитанию детей – это большой и важный вклад в созидание общественного благополучия и благосостояния, и прилагать все возможные усилия для повышения авторитета семьи и уважения ее членами общества. И на основании уже этого принципа нужно ввести еще ряд принципиальных положений, которые позволили бы семье чувствовать себя на сегодняшний день достаточно комфортно.

Это в первую очередь принцип добросовестности родителей. Он означает, что в соответствии с природой детско-родительских отношений любые законы и действия государства должны исходить из презумпции добросовестности родителей и их действий в отношении детей. Эта презумпция, которую Конституционный Суд Российской Федерации называет общепризнанной, должна быть реальным, эффективным, а не декларативным только, как сегодня, законодательным принципом, который предполагает, что действия и решения родителей в отношении детей являются добросовестными и совершаемыми в наилучших интересах ребенка, пока обратное не было надежно доказано и подтверждено законным и справедливым решением суда.

Еще один принцип, который необходимо, по нашему мнению, ввести, – это принцип автономии семьи и невмешательства в частную жизнь семей. Нужно сказать, что этот принцип означает, что семья вправе сама решать все внутренние вопросы своей жизни, устраивать ее в соответствии с собственными взглядами, правилами и нормами.

Семейная жизнь является частной жизнью граждан и в силу статьи 23 Конституции Российской Федерации является неприкосновенной. Вмешательство во внутреннюю жизнь семьи, во взаимоотношения родителей и детей посягает на конституционную гарантию защиты семьи государством.

На основании статей 24 и 25 Конституции Российской Федерации никто не вправе осуществлять сбор, хранение и использование информации о частной жизни семьи (как это сегодня у нас часто бывает) и ее членов без их согласия либо вторгаться в жилище, за исключением случаев, предусмотренных законом. Вмешательство государства в жизнь семьи допустимо лишь в исключительных, строго определенных законом случаях, когда действия семьи оказываются опасными для всего общества и когда семья сама обращается к государственной власти, включая суд, как к арбитру при решении семейных споров (в этих случаях также).

Кроме того, необходимо прописать принцип приоритета родительских прав. Согласно статье 60 Конституции Российской Федерации граждане могут самостоятельно осуществлять свои права и обязанности с 18 лет. Российское законодательство устанавливает, что права детей должны защищать их родители. Именно родители имеют преимущественное право определять, что отвечает наилучшим интересам детей. Их решения в этом отношении не вправе отменять и пересматривать никто, включая государство. Исключением являются случаи совершения родителями в отношении детей умышленных преступлений и административных правонарушений, четко определенных законом. Государственные законы и представители государства обязаны уважать и защищать эти права родителей. Понятно, что при этом родители, конечно, обязаны заботиться о сохранении жизни и здоровья своих детей, об их содержании, развитии и образовании, нравственном воспитании. И родители могут отвечать за исполнение своих обязанностей лишь в пределах своих финансовых и иных возможностей, что должно быть также прямо признано законом.

Еще один принцип, на котором я хотела бы остановиться, – это принцип целостности и неприкосновенности семьи. Статья 38 Конституции Российской Федерации говорит о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Это положение предусматривает право семьи на целостность и право не подвергаться насильственному разрушению. Круг ситуаций, в которых закон допускает отобрание детей у родителей, лишение или ограничение родительских прав, должен быть предельно узким и конкретным. Недопустимо отобрание детей у родителей на основании нечетких, размытых и необоснованных критериев. Государство вправе разделять детей и родителей лишь тогда, когда жизни детей угрожает прямая и непосредственная опасность, исходящая от родителей, в результате их доказанных противоправных действий, а не просто когда, допустим, родители вместе с детьми находятся в трудной жизненной ситуации, или когда детско-родительские связи уже полностью разрушены (бывают такие случаи) и возможности для их восстановления совершенно исчерпаны. То есть это крайне четко определенный законом перечень.

И именно такое положение будет соответствовать еще одному принципу – принципу непосредственности и неотчуждаемости родительских прав. Человек может быть лишен или ограничен в родительских правах только на основании четких, конкретных норм в самых крайних случаях, определенных законом.

Ввиду этих принципов, на базе этих принципов нам представляется целесообразным ввести в Семейный кодекс Российской Федерации ряд конкретных положений, которые регламентировали бы родительские права. Опять же это нормы, которые как бы подразумеваются, предусматриваются. Родители являются законными представителями своих детей по нашему законодательству. Но в чем

конкретно заключаются права родителей, например, право (и обязанность) родителей на воспитание своих детей? Сегодня много споров по этому поводу возникает. Так вот, по нашему мнению, это право должно включать в себя право выбирать по своему усмотрению любые способы воспитания своих детей, ограничивать поведение детей в их интересах, привлекать детей к посильному домашнему труду, учебе, соблюдению дисциплины, использовать при воспитании меры поощрения и наказания детей, организовывать уклад семейной жизни и прививать детям взгляды в соответствии со своими убеждениями, мировоззрением, религиозными, национальными и культурными традициями. Это право родителей на воспитание детей, которое, как мы считаем, включает в себя право не только на поощрение, но и на наказание.

Право (и обязанность) родителей по образованию своих детей – это тоже очень важное право, которое на сегодняшний день, как мы знаем, также часто подвергается притеснению. Оно должно включать в себя право по своему усмотрению принимать решения в отношении дошкольного образования детей, право дать детям образование в семье, право на выбор образовательной организации и формы получения образования, на образование детей, соответствующее религиозным и нравственным убеждениям родителей, на контроль за содержанием образования своих детей.

Право (и обязанность) родителей на охрану здоровья своих детей включает в себя право на получение любой информации о состоянии здоровья своих несовершеннолетних детей, в том числе информации, составляющей врачебную тайну (на сегодняшний день, если ребенок достиг 14-летнего возраста, у родителей такого права нет); право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и профилактические меры, и отказ от них; право на письменное одобрение (согласие) ребенка старше 14 лет на медицинское вмешательство, которое тоже сегодня попирается, за исключением права на лечение несовершеннолетних от наркомании, алкоголизма и психических заболеваний, которое должно проводиться по заявлению родителей, а не самих детей, как это сегодня законодательством предусмотрено, и независимо от согласия самого несовершеннолетнего.

Право родителей на защиту прав и интересов своих детей включает в себя также право по своему усмотрению ограничивать осуществление ребенком его прав, если он пользуется ими во вред своим интересам, ставит под угрозу свое полноценное умственное, физическое или нравственное развитие, свою безопасность или здоровье или создает угрозу причинения вреда или нанесения ущерба себе, другим членам семьи или иным лицам. Это право очень тесно коррелирует с правом представления интересов своих детей, то есть быть законными представителями. Мы знаем, на сегодняшний день уже принят целый ряд законов, которые ограничивают участие родителей в

защите интересов детей в судах, в следственных органах, в других органах и организациях. Часто это право присваивают себе узкие специалисты органов опеки или психологи, которые почему-то сегодня считают себя вправе представлять интересы ребенка, и считается, что они это сделают профессиональнее, лучше, чем кровные родители. Так вот, основываясь на праве, как раз естественном праве родителей на воспитание своих детей, на тех принципах, о которых я сказала, такие вещи недопустимы.

Я хочу привести последний (очень свежий) пример. Он касается не кровной семьи, но резонансного случая. Это Егор Спахов, мальчик в Дедовске, которого женщина в родильном доме украла, потеряв своего ребенка. Сейчас это преступление вскрылось. Но все эти годы семья с любовью воспитывала мальчика, мальчику уже около трех лет, и он любит родителей, и родители очень любят его. Да, женщина понесет ответственность. Но отец, который ничего не знал, попросил предоставить ему возможность опекуна, оформить ту приемную семью, которая фактически существовала, ради того, чтобы их воссоединить с ребенком. И он прошел все необходимое обучение. Но психолог, обращу внимание, считал, что он не может воспитывать ребенка до девяти лет. Вот психолог взял и отменил, собственно говоря, те детско-родительские отношения, теплые, отношения любви, которые уже существуют между этим мальчиком и этим отцом. И сегодня родительская общественность потрясена этим положением.

Я хочу сказать, что мы идем таким образом к тому, что завтра психологи будут решать, кто может иметь детей, кто не может иметь детей, кто может их воспитывать, а у кого ребенка нужно переместить в другую семью, более профессиональную, которая лучше справится, у которой больше компетенций.

И я хочу обратить внимание на то, что вышла информация о том, что Егор Спахов уже усыновлен другой семьей, оказывается, пока отец ходил и оформлял, и ему все это время обещали, что отдадут ребенка. Сейчас Интернет просто взорвался известием (неформальным пока известием) о том, что мальчик уже устроен в другую семью.

Я хочу попросить с этой трибуны Елену Борисовну Мизулину и Совет Федерации провести проверку по поводу того, почему такое резонансное дело, к которому приковано внимание общественности всей страны... вдруг тайком позволяют себе на основании некоего заключения (закрытого психологического) передать ребенка в семью, о которой никто не слышал, которую никто не видел, не знает. Мы все обеспокоены судьбой Егора и хотели бы получить хотя бы ясность по этому вопросу, где он находится, что с ним, какая у него семья и по какой причине отец, который

уже на протяжении нескольких лет осуществлял свои родительские обязанности, на сегодня вдруг остался не у дел. Вот очень прошу Вас, Елена Борисовна, как-то эту нашу тему поддержать.

Ну и, наверное, последнее (буду заканчивать, я много времени потратила). Хочу сказать о том, что, безусловно, реформации подлежат положения Семейного кодекса, которые устанавливают возможности ограничения родительских прав, лишения родительских прав. Я уже сказала, что это должны быть четкие, конкретные критерии, которые не позволяют двойного толкования, свободного, произвольного вмешательства, отбирания детей. И статья 77 Семейного кодекса также должна быть урегулирована в соответствии с теми принципами, о которых я сказала, то есть никто не вправе вмешиваться, отбирать детей – только в случае крайней опасности, которая исходит от родителей в результате их противоправных действий.

И хочу повториться (мы уже говорили об этом 3 марта на парламентских слушаниях), что мы настаиваем на том, что нужно не ребенка помещать в дом малютки или приют, то есть фактически в "детскую тюрьму", а родителя, который действительно опасен для ребенка, наносит ему вред, его жизни или здоровью. В таком случае нужно действительно изолировать его от общества. У нас есть система правоохранительных органов, которые должны в этом случае доказать его вину и поместить в следственный изолятор или в тюрьму и так далее, но не сам ребенок должен страдать в первую очередь, а родитель. И в этом случае очень важно, чтобы сохранялись положения об опеке и попечительстве родственной, потому что на сегодняшний день у нас ребенок изымается и никто не думает о том, что у него вообще-то есть другие родственники – бабушки, дедушки, даже мамы и папы в каких-то случаях кровные. Когда в семье что-то происходит экстраординарное, ребенок изымается, и дальше эти родственники вместе с другими претендентами на опеку становятся в очередь, фактически в то же самое правовое положение.

Так вот, мы настаиваем на том, чтобы не ребенок изымался, а ребенок оставался либо с кровными родителями (с одним из родителей оставшимся), либо с кровными родственниками. И в этом случае нам необходимо урегулировать, развить положения Семейного кодекса о родственной опеке. Это должна быть преимущественная опека перед всеми другими гражданами, это должна быть более защищенная опека, она должна устанавливаться в более легкой форме и не должна прекращаться в такой легкой форме, то есть она должна быть особой. Родственная опека должна быть особой, тогда мы сможем ребенка не забирать из семьи, как сегодня (это неправильная самонаправленность идеологическая), а мы должны как можно больше сохранять для ребенка его привычную, родную, кровную среду.

Наверное, на этом я буду заканчивать.

Порядок, безусловно, должен быть изменен. И мне бы хотелось сказать, что это не всё, безусловно, но, наверное, самые основные тезисные вещи, на которые хотелось бы обратить ваше внимание.

Наша Ассоциация родительских комитетов и сообществ, как я сказала, разработала концепцию возрождения семьи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, где мы расписали и обосновали эти принципиальные идеологические положения, и пакет законодательных инициатив по изменению Семейного кодекса и других законодательных актов. Мы их передали Елене Борисовне Мизулиной, работаем в этой группе и очень надеемся на ваше понимание, поддержку и что наконец-то мы сможем всеобщими усилиями провести в нашем государстве необходимую реформу семейного законодательства, которая действительно позволит нашим семьям быть уверенными, свободными и защищенными. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ольга Владимировна. Вы в письменном виде передайте предложения, которые Вы озвучили, для проекта рекомендаций. Хорошо? Спасибо.

Я думаю, что много интересных предложений у вас тоже будет предметом обсуждения сегодня.

Относительно ситуации в Дедовске и Спахова Егора я обязательно направлю запрос, еще позвоню, выясню, что за ситуация.

Но я вижу, что у нас среди участников Олег Александрович Рожнов, он председатель комитета по вопросам образования, культуры и туризма Московской областной Думы, и он сейчас вышел, я думаю, звонит именно по этой ситуации. Когда он вернется, мы попросим, чтобы он тоже подключился к этой ситуации, ее разрешению.

Действительно, это пример бюрократического подхода, абсолютно бездумного, бюрократического. Отец вообще не виноват. Ситуация трагичная: мать, которая родила ребенка, и он погиб, находясь, совершенно очевидно, в состоянии тяжелой травмы после потери ребенка, забирает ребенка, от которого отказалась родная мать (она его оставила, отказ – всё официально). Я вообще не понимаю... Три года никто не беспокоился (это же медицинская организация), и сейчас, получается, заложники – во-первых, отец, который не знал, что это, оказывается... он всегда жил с тем, что это его ребенок, и, самое главное, ребенок. Ребенок рос в хорошей семье, в хороших условиях, любимый, это его родные родители. И вот сейчас его поместили, неизвестно... Да еще если тайное какое-то усыновление... Это просто уму непостижимо! С такой легкостью!..

Вот как раз то, о чем Вы говорили, Елена Александровна. Вот множественность родителей, взяли ребенка, передаем, как куклу, туда, сюда, замещающий институт, замещающая семья – это нормально. Да нет, нормально – это кровная семья, и прежде всего надо сохранить ее, или родная семья, как здесь получилось, что она по факту как кровная, она родная для ребенка, эта семья, он другой не знает, ему здесь хорошо. Как можно с такой легкостью разрушать ту среду, в которой ребенку хорошо, и даже применительно к матери?! Я думаю, что эти факторы тоже должен учитывать и суд. Понятно, что она нарушила закон, но это факторы, которые суд должен учитывать, и плюс ее состояние, когда она это делала, и состояние ребенка, в котором он сейчас находится, на тот момент, когда этот факт стал достоянием гласности.

О.В. ЛЕТКОВА

15 тысяч подписей в пользу этого папы уже собрала петиция, которая размещена в Интернете на Change.org. И, конечно, разве можно просто взять и все это не замечать? Это большой общественный резонанс вызывает.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно, конечно. И по психологам мы уже неоднократно обсуждали. Меня очень тревожит вот эта психологизация страны, когда везде психолог становится таким духовником за зарплату, новоявленным, принудительным причем, и решает с такой легкостью... Причем опыт показывает, жизнь показывает, что очень часто решения очень далеки и от справедливости, и от нравственности, и от доброты. Так что на самом деле надо на это обратить внимание, тем более что такое количество еще и подписей, и родительская общественность, кто это непосредственно видел и на месте общался с этими людьми...

Спасибо, Ольга Владимировна.

Слово предоставляется следующему докладчику – Швабауэр Анне Викторовне. Тема – "Разрушение института семьи под видом защиты прав детей".

Вот видите – у нас доклады разные, с разными точками зрения, чтобы мы сегодня могли обсуждать разные подходы.

Олег Александрович Рожнов подошел. Я только что о Вас говорила. Вы не по Дедовску звонили?

О.А. РОЖНОВ

Нет.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Значит, Олег Александрович...

О.А. РОЖНОВ

Я слышал.

Е.Б. МИЗУЛИНА

У вас в Московской области, в Дедовске, очень острая ситуация, поэтому я буду направлять запрос, я бы хотела вместе с Вами это сделать. Я знаю, что Вы очень сильный и справедливый человек, и я очень надеюсь на Вашу поддержку. Недопустимы эти вещи, то, что сейчас произошло в Дедовске.

О.А. РОЖНОВ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. Олег Александрович – это мой студент в прошлом, замечательный, один из лучших студентов Ярославского государственного педагогического университета.

О.А. РОЖНОВ

Я покраснею, Елена Борисовна. *(Смех в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста. Анна Викторовна – многодетная мама, к тому же и эксперт общественного уполномоченного по защите семьи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, адвокат, кандидат юридических наук в сфере семейного права.

Пожалуйста, Анна Викторовна.

А.В. ШВАБАУЭР

Спасибо.

Сегодня формируется система, подрывающая детско-родительские отношения под видом защиты прав детей. Происходит это через внедрение целой системы подмены понятий. Во-первых, происходит подмена кровных родителей сторонними лицами – органами опеки, социальными работниками, замещающими родителями, психологами и в перспективе (планируется) – детскими адвокатами в судах.

По порядку пройдем по этим тезисам. Законы, в первую очередь Семейный кодекс, позволяют передать органам опеки права родителей по широким основаниям. Этому способствуют, в частности, следующие нормы Семейного кодекса.

Статья 54 Семейного кодекса (цитирую): "Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье... за исключением случаев, когда это противоречит его интересам". Как видно,

ребенка допустимо лишить семьи по такому неопределенному основанию, как противоречие интересам.

Аналогично – статья 56 Семейного кодекса: при нарушении прав и законных интересов ребенка органы опеки принимают меры по защите прав и интересов ребенка.

Аналогично – статья 64 Семейного кодекса: родители не вправе представлять интересы детей, если между интересами родителей и детей имеются противоречия. Кстати, на эту статью идут ссылки в письмах Минобрнауки, например, как на удобное правовое основание для работы органов опеки, в частности такое письмо издано в 2009 году – об организации работы по профилактике жестокого обращения с детьми.

Аналогично – норма статьи 121 Семейного кодекса, в которой написано о том, что защита прав и интересов детей возлагается на органы опеки в случае, если родители препятствуют нормальному воспитанию и развитию детей и так далее.

То есть все эти нормы должны быть устранены как основания для необоснованной передачи прав родителей органам опеки.

Мы поддерживаем вышепредложенные идеи, которые озвучены Ольгой Владимировной, по поводу принципов семейного права. Конечно, нужно менять статью 63 Семейного кодекса. На прошлых парламентских слушаниях мы говорили, что ее нужно наполнить конкретными полномочиями родителей на воспитание, в первую очередь правом на выбор методов воспитания, в том числе наказания, детей, которое сейчас подрывается сплошь и рядом.

Не буду останавливаться на деталях (конечно, Семейный кодекс требует комплексной переработки), мы их направим в рабочую группу в письменном виде.

Далее. Что сейчас происходит? Создается система, которая делает выгодным вмешательство в семью под видом оказания так называемых социальных услуг. Речь идет в первую очередь о социальном сопровождении. Поэтому необходимо здесь изменять закон об основах социального обслуживания № 442, статья 22 которого позволяет вмешиваться в семью и навязывать социальное сопровождение фактически против воли родителей. Здесь комплексно нужно менять и закон № 120 о профилактике безнадзорности, который тоже содержит широкие формулировки, позволяющие вмешиваться в семью там, где для этого нет оснований.

И, полагаем, комплексно надо рассмотреть такую концепцию, которая принята Правительством летом 2016 года, – это концепция развития ранней помощи. По большому счету, эта концепция под соусом ранней помощи предлагает внедрять все то же сопровождение семьи. Посмотрите, как она предлагалась изначально в обществе. Сначала говорилось о том, что эта

концепция направлена на защиту прав детей-инвалидов. А когда мы изучаем содержание этой концепции, мы видим, что целевой группой для оказания ранней помощи являются дети из семей, находящихся в социально опасном положении. Это понятие крайне широкое, это мы знаем по закону № 120 о профилактике безнадзорности.

Что еще предполагает эта концепция? Это оказание услуг детям, которые находятся в социально опасном положении. Во-первых – раннее выявление этих детей, во-вторых – сопровождение, поддержка семей и повышение компетентности родителей. В частности, среди услуг, которые предлагает эта концепция, – обследование развития ребенка, среды, семьи для последующего составления индивидуальной программы ранней помощи и сопровождения ребенка.

Интересно заметить, что в стадии проекта эта концепция содержала упоминание о согласии родителей на составление плана обследования ребенка, а в финальной версии согласие родителей куда-то пропало. То есть это показывает, на что нацеливает эта концепция.

Еще интересная норма есть в этой концепции. В ней говорится о том, что необходимо утвердить нормативным актом перечень нарушений, при которых ребенок всегда включается в программу ранней помощи. То есть, по большому счету, намекается на то, что без согласия родителей. Кстати, эта же концепция предполагает такую услугу, которая называется "социальная передышка", то есть предоставление услуг по обеспечению временного пребывания ребенка вне дома. В общем, понятно, на что она нацеливает. Поэтому тут нам надо комплексно посмотреть законодательство, чтобы искоренить вмешательство в семью. Полагаем, что должен быть введен запрет на любую работу с семьей, кроме случаев, когда семья действительно социально опасна, четко прописав случаи таковых: хронический алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество – точка, а не то, как сейчас широко это трактует закон.

Важно также исключить такой ювенальный механизм, который работает на вмешательство в семью, как сбор информации о семье, который и сейчас происходит незаконно, но планируется, как вы знаете, подведение законодательной базы под этот механизм. Речь идет о принятии закона о контингенте учащихся. Законопроект предполагает создание федеральной и региональной базы, в которую будет сведена широкая информация о ребенке, о семье, о здоровье, об учебных успехах и, говорилось в СМИ, о ситуации в семье. По большому счету, это нарушение статей 23 и 24 Конституции, то есть о неприкосновенности частной жизни и запрете на сбор информации о частной жизни без согласия граждан.

Но на что надо обратить внимание? Что сбор информации о семье, конечно, будет иметь очень тяжкие последствия в ювенальном смысле, потому что будет создана плодородная почва для

вмешательства в семью, навязывания услуг и изъятия детей. Не случайно в концепции создания этой системы, которая утверждена распоряжением Правительства в 2014 году, было сказано, что система "контингент" направлена на профилактику беспризорности. Мы же знаем, что на практике этим часто прикрывается как раз вмешательство в семью.

Я уж молчу о других нарушениях закона, в частности, Федерального закона "О персональных данных". Здесь происходит сведение в одну базу разнородных сведений, что недопустимо и подрывает неприкосновенность частной жизни. Нарушается также Доктрина информационной безопасности. Нарушается положение письма, которое было в свое время направлено из ГПУ Президента, по поводу недопустимости принуждения людей к автоматизированному сбору, обработке персональных данных и так далее. Принятие этого закона крайне опасно. Оно, может быть, удобно чиновникам, которые его продвигают, но, вообще-то, законы должны приниматься не для удобства чиновников, а в интересах граждан России.

Следующая подмена, которая происходит у нас, в Российской Федерации, – это подмена родного родителя профессиональным. Речь в первую очередь идет о замене института кровной семьи замещающими платными так называемыми родителями. Мы знаем, что существует страшный перекоп в сторону финансовой поддержки замещающих семей. В частности, если в Москве ты берешь в приемную семью троих детей, ты получаешь около 100 тыс. рублей только как вознаграждение за работу родителем, плюс сумма на содержание ребенка, оплату жилья, ЖКХ, транспорта и так далее. А родные семьи в этом смысле не получают ничего. Такие условия естественным образом порождают очередь на изъятие детей из кровных бедных семей. Я уж молчу о том, что в российских традициях базой института семьи являются чувство любви и самопожертвование. Поэтому подмена духовной базы материально-профессиональной закономерно влечет проблемы и для детей, и для взрослых и разрушает традиционный институт семьи. В этом смысле необходимо в Семейном кодексе прямо прописать приоритет сохранения именно кровной, родной семьи для ребенка, о чем говорила Елена Борисовна.

Также следует отказаться, по нашему мнению, от платного родительства как такового. Это западный институт. Если мы хотим сохранять традиционный институт семьи, то возможны такие формы устройства ребенка, как усыновление и безвозмездная опека. Это не означает, что надо отказаться от социальных пособий, но этот перекоп, который сейчас существует, должен быть устранен обязательно.

Дальше. Подмена родителей психологами. В первую очередь сейчас это происходит через внедрение психологов в школы. Постоянно в СМИ муссируется идея о том, что нужно допускать

психологов до детей без согласия родителей. Это, конечно, очень опасно, приведет к полной подмене родителей психологами в системе образования. Я уж молчу о материалах, которые используют психологические центры, например, в рамках дополнительного образования. Мы их изучали – страшное дело. Цитировать здесь даже стыдно, но некоторые вещи нацелены фактически на растление детей. Поэтому я полагаю, что статью 65 Семейного кодекса следует прописать более четко в плане получения согласия родителей на работу психологов с их детьми.

Также, как известно, продвигается в России система детского телефона доверия, который преподносится как место, где работают исключительно профессионалы, конечно, в отличие от родителей. Эта система позволяет третьим лицам без ведома родителей влиять естественным образом на поступки детей, на формирование мнения. То есть здесь нарушается базовый принцип Семейного кодекса о недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи. Кроме того, здесь явно ограничиваются права родителей, а такие ограничения могут быть введены даже с формальной точки зрения только федеральным законом. В федеральном законе детский телефон доверия не закреплён, поэтому его функционирование должно быть прекращено.

И последний момент – по поводу психологов. Как вы знаете, сейчас в Госдуму Правительством внесен законопроект о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс № 103372-7. Страшный законопроект. Мы полагаем, что без использования названия "ювенальный" фактически внедряются ювенальные суды, то есть многие технологии, которые работают на Западе в ювенальных судах, здесь предусмотрены. В частности, согласно статье 52 законопроекта предполагается, что родитель ребенка может быть отстранен от участия в деле, цитирую, "если он злоупотребляет предоставленными ему полномочиями... либо его действия наносят ущерб интересам представляемого". Как видите, очень широкие формулировки. В этом случае суд назначает адвоката.

Детская адвокатура... Мы знаем по западной системе, что детские адвокаты полностью встроены в ювенальную систему, работают в тесной связке с судами, это приносит им прибыль. В общем-то, они слабо интересуются реальными потребностями детей и семей, это для них просто работа. К слову замечу, что продвижение ювенальной адвокатуры у нас происходит уже не первый год. В 2012 году, например, под эгидой Федеральной палаты адвокатов издана книга под названием "Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи несовершеннолетним", полностью посвященная необходимости якобы внедрения ювенальной адвокатуры. Если мы откроем эту книжечку, то на первом листочке увидим, что финансирует ее Американско-Российский фонд по экономическому и правовому развитию. Между прочим, он в 2015 году включен в перечень

организаций, деятельность которых признана нежелательной в Российской Федерации. В общем, понятно, кто у нас внедряет эти ювенальные технологии.

Дальше по этому законопроекту. Статья 165 Гражданского процессуального кодекса дает право ребенку любого возраста фактически самостоятельно участвовать в любом гражданском процессе. Цитирую: "...несовершеннолетний должен быть проинформирован о существовании рассматриваемого дела, своих процессуальных правах, включая право на выражение своего мнения, на обращение с ходатайством о назначении адвоката или иного представителя, и право на осуществление правомочий стороны в процессе" (конец цитаты). Любого возраста, нет никаких ограничений. Какого иного представителя – непонятно. На каком основании законопроект отстраняет родителя от решения существенных вопросов для своего ребенка? В пояснительной записке сказано, что это во исполнение Европейской конвенции об осуществлении прав детей, но она, между прочим, Россией не ратифицирована, и не дай бог, потому что это полное внедрение ювенальных технологий.

И последнее по этому законопроекту. Статья 179 предполагает возможность отстранения родителя ребенка, если его участие противоречит интересам несовершеннолетнего, при этом психолог и педагог участвуют в процессе обязательно. Получается, что в каждый процесс вводятся педагог и психолог, и это само по себе означает полное недоверие к родителям как законным представителям ребенка в судебном процессе, подрывает предусмотренное статьей 38 Конституции право на воспитание.

И последнее в силу ограниченности времени...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, время, время.

А.В. ШВАБАУЭР

Хотелось бы сказать еще об одной подмене – что подменяется у нас понятие в содержательной, так скажем, составляющей воспитания. В частности, действующий закон подрывает естественную семейную иерархию приоритетом детей. В статье 1 Семейного кодекса – приоритетная защита детей. Статья 65 Семейного кодекса: обеспечение интересов детей – предмет основной заботы родителей. Почему основной? Что, в семье нет других членов? Это в корне неверные нормы, и они создают такой перекосяк и приоритетное положение детей в семье. Поэтому они должны быть устранены в целях сохранения наших, российских традиций, духовных и семейных.

Ну и последнее, на чем хотелось бы сакцентировать внимание, – это подмена понятия жестокого обращения с ребенком путем приравнивания к нему обычных воспитательных мер. Речь

идет в первую очередь о неадекватных региональных регламентах межведомственного взаимодействия. Они есть практически во всех субъектах, в Петербурге утвержден в прошлом году. Там закреплены такие основания для признания ребенка находящимся в ситуации опасности для жизни и здоровья, как проживание ребенка в семье в ситуации конфликта, с наличием стрессовых факторов, например финансовых проблем. Это ничего, что в любой семье бывают конфликты и финансовые проблемы. Получается, что из любой семьи можно изъять ребенка, потому что опасность для жизни и здоровья по статье 77 Семейного кодекса – основание для отобрания ребенка.

Еще пара примеров из этого регламента. Социальная изоляция несовершеннолетнего. Получается, что на улицу ребенка не выпустили – всё, можно его отнимать.

Дальше. Негативное влияние на несовершеннолетнего культурных и религиозных факторов. Понятно, что применение этого пункта целиком и полностью зависит от субъективных установок соцработников.

Ну и последнее. Жестокое обращение с ребенком со стороны сверстников. Какое отношение это положение имеет к родителям ребенка – вообще непонятно. То есть полный неадекват. Вообще, все эти технологии ювенального характера построены на абсурде.

И существуют интересные методические рекомендации, которые разошлись сейчас по всей России, в частности, они в некоторых регионах утверждены как нормативные акты, например, в Архангельской области называются методическими рекомендациями для специалистов системы профилактики по вопросу защиты детей от жестокого обращения. Одну цитату оттуда приведу, чтобы все было ясно, что такое насилие, – "любая форма взаимоотношений, направленная на установление или удержание контроля силой над другим человеком" (конец цитаты). То есть родительский контроль над ребенком изначально считается насилием. И эти рекомендации превращаются в законы на уровне субъектов, которые позволяют вмешиваться в семью.

Откуда ноги растут? Все эти методички...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Время, время. Пожалуйста, заканчивайте. Анна Викторовна, интересно, но...

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо.

В общем, главная, ключевая мера – с этими методичками надо покончить. Поэтому полагаем, что работа НКО, которые их распространяют (в первую очередь это Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, это оттуда все растет, копия буквально), должна быть пересмотрена и должны быть приняты такие

нормы, которые запретят фактически работу иностранным агентам в сфере семьи. Мы теряем семью через то, что мы передаем в НКО работу с нашими семьями. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Анна Викторовна.

И спасибо еще, скажу так (я даже не знаю, как это сказать), за Вашу всеядность, что ли, за то, что Вы так мониторите нормативно-правовые акты и эту сферу. Ничто не уходит от Вашего внимания. На самом деле я Вас благодарю за эту внимательность. Потому что, например, и по закону о контингенте, и по всем нормативно-правовым актам, которые ему предшествовали... Вот Вы затронули это не случайно. Я хочу в этой части обратить внимание участников парламентских слушаний, что отклоненный Президентом закон о контингенте, принятие которого фактически, могу сказать, приведет к превращению нашей страны в "электронный концлагерь" (это так называли, и Вы, в частности, дали такой термин)... Это точно, это электронное рабство.

И у меня очень много обращений, например, из Алтайского края, Пермского края, где идет эксперимент с 2014 года. Мне родители, услышав о том, что Президент отклонил закон, пишут: "Но у нас все равно продолжают в школах требовать, чтобы мы писали заявление о согласии на обработку персональных данных наших детей. Мы не хотим этого, но нас заставляют под угрозой того, что детей из школы исключат и так далее. Мы вынуждены на это идти. Но как же? Президент отклонил закон". На самом деле мне очень жаль и тех, кто живет в Алтайском крае, в Пермском крае, вообще те регионы, где на основании распоряжений Правительства происходят такого рода эксперименты. Ведь что такое этот эксперимент помимо воли людей? Ведь это превращение на основании распоряжения Правительства Пермского края, Алтайского края или какого-то другого региона в социальную лабораторию, где подопытным становится население этого региона, подопытным по применению, отработке социальных технологий. Вот перенесите на промышленные... Как промышленные технологии отрабатываются? Это стендовые испытания, лабораторные испытания, но они технические, не на людях. Социальные технологии и их особенность надо отрабатывать на людях (как вы еще их проверите?). Но почему целый регион без ведома людей на основании распоряжения Правительства?... Кто решил, что на целом субъекте, гигантском, громадном, будет отрабатываться какая-то технология, когда люди не хотят? Если вы тем более отрабатываете – ну, выберите там, где согласны все, или проводите референдум в этом регионе, согласны они пройти такого рода испытание или нет. Но зачем превращать в подопытных кроликов? И какова ценность такого рода социальной технологии (это же социальная...), где желание людей, понимание людьми, что будет происходить, очень важны. Потому что это же фактически принудительные... результаты

будут принудительного применения социальной технологии. Это все равно что если бы ваучерную приватизацию, которую мы проходили (помните?), где-то принудительно отработали бы, на каком-то регионе. Но, правда, сейчас, когда на всей России это все апробировали, может быть, было бы неплохо, если бы где-то, но только если бы люди согласились, чтобы они поняли, что будет происходить, чтобы это было как бы добровольное понимание участия в этом эксперименте. Вот у нас опять всё принудительно, через колено, насильно. И в результате это же и вызывает... Это идет накопление протеста людей против вот такого насилия над ними.

А этот закон очень опасный. Ни в коем случае нельзя допустить принятия закона о контингенте, он выгоден только чиновникам, им удобно управлять. Он выгоден тем, кто делает деньги, бизнесу, потому что бизнес, честный, открытый бизнес, всегда будет стремиться к получению той информации, которая позволит рассчитывать бизнес, выстраивать перспективу. Это ведь как здорово – сразу получить по всем детям страны все данные, кто чем болел, какие покупать и готовить новые лекарства, медицинскую помощь... и многое другое. Я уже не говорю про семьи. Сколько надо замещающих институтов? А где в семье может что-то произойти, чтобы отобрать ребенка? Но вы только подумайте, что с самого рождения, с нуля, в этой системе "контингент" – все персональные данные на ребенка, его семью, состояние в семье, активность ребенка. Что такое активность ребенка? Это вот то, что входит в эксперимент в Пермском крае, Алтайском крае. Активность – это вот в этих программах, а это все, что ребенок делает и чего не делает, все плохое и хорошее. И это все без ведома родителей. Что будет в этом персональном досье на ребенка? И это будет сопровождать его всю оставшуюся жизнь. Чиновники говорят: "Ее никто не вскрыет". Вы в это верите? А вы представьте на минуточку, что эту базу данных кто-то вскрыет и все эти данные о ваших детях, о вас будут в открытом доступе.

Какая-то сакральность, частная жизнь, некоторый уголок, где вы можете чувствовать себя в безопасности, – этого ничего не будет, вы все время как на сцене. Хочется жить как на сцене? Да нет, человек устает от этого, это невозможно, даже тот, у кого это профессия. Он всегда стремится в семью, в тот уголок, где безопасно, где уютно, где все скрыто от глаз. Это очень опасный закон.

И правильно Анна Викторовна говорила, что к тому же здесь ведь... Я не знаю, может быть, в Соединенных Штатах Америки есть такая ситуация, но, насколько нам известно, тяготятся этим люди. Это единая база данных, где все о человеке, все – не только о состоянии здоровья, а все, даже о его тайных мыслях. Потому что те же данные психологов, которые будут в школах, тоже в досье ребенка попадут, все эти разговоры, беседы с ребенком, а что он как воспринимает, потому что это

же развитие ребенка, это его активность, что он думает о своих родителях, о школе, о стране, и с соответствующими интерпретациями психологов.

Поэтому на самом деле очень опасный закон. Он несет больше вреда. Если в нем есть польза, так давайте мы отработаем только то, что действительно будет на пользу, но не будет приносить вреда. Мы не должны принимать законы, затрагивающие социальную сферу, которые наносят вред непреднамеренный, но который зачастую страшнее, чем умышленный, потому что такое идейное убийство, моральное убийство, нравственное убийство, вот это открытие (да, это идеологическое, это не в полном смысле, не физическое...) иногда страшнее, оно заставляет человека совершать поступки, в том числе и связанные с лишением жизни самого себя.

Поэтому надо еще раз все взвесить. Но пока я не вижу ресурсов для того, чтобы такой закон, как бы вы его ни видоизменяли, был в нашей стране принят и введен. Он действительно очень-очень опасен для каждого человека, а для ребенка – точно. Как он потом будет устраивать свою профессию, свою судьбу? Потому что ему из детства будут вытаскивать то, что он делал на подсознательном уровне, и это "что-то" не вписывается в ту профессию, которую он себе хочет избрать. Это опасная вещь. Это фактически такое доносительское досье на каждого ребенка.

Анна Викторовна, я думаю, что в аудитории есть и те, кто с какими-то положениями Ваших предложений не согласен. Но что важно? То, что Вы поднимаете эти вопросы, выносите на публичное обсуждение. И это особенность, кстати, нашей аудитории, которая собирается на наших парламентских слушаниях. Кто-то вносит законопроекты, не обсуждая нигде публично или обсуждая с удобным кругом людей, которые всегда за.

Вот сегодня мне стало известно, что в комитет по вопросам семьи поступил правительственный законопроект. Я еще не видела его содержания, только от специалиста... Но специалисты в области семейного права... Вы только подумайте: предлагается закон Удмуртии, на который уже получены и согласие от Правительства, и официальный отзыв ГПУ – все за. А суть его: мама после развода получает право подать заявление в ЗАГС, чтобы вычеркнули отца ребенка из свидетельства о рождении ребенка и записали того, кого назовет мама, в беспорядном порядке, без суда и следствия. Это кому надо? Это мы что получаем? Кровного родителя... Мама говорит: "А он не отец". Его вычеркивают и вписывают... Это кому надо? Это что за ситуация? Отцы, обратите внимание, кровные отцы, обратите внимание, вас могут лишить этого права! Этот законопроект сейчас в Госдуме. Ну, как, кто его обсуждал?! Откуда это вынырнуло?! Что это за ситуация?! Меня вот это очень беспокоит. Потому что то от вице-премьера слухи, что готовят законопроект... вот-вот сейчас будет внесен законопроект о временном устройстве детей на несколько дней в детский дом,

еще куда-то. Во-первых, это уже есть, и не на один день, и втащили без изменения семейного законодательства. Все это как-то втайне, скрыто. Мы с вами честно обсуждаем уже год с разными аудиториями, выносим на публичное обсуждение, формулируем рекомендации, чтобы не ошибиться, чтобы страна и те, кто заинтересован, были участниками наших обсуждений. А тут где-то тихой сапой протаскивают, рассчитывают на то, что это быстро проскочит, не заменим... Нельзя этого допускать!

И вот то, что вы делаете, вы делаете достоянием общественного обсуждения, открытого обсуждения. Пусть в открытой дискуссии со всеми "за" и "против" рождается согласованное решение, потому что все, что касается семьи и детей, должно быть результатом нашего общего согласия, а не какой-то одной группы, пусть даже очень профессиональной.

Наверное, в Правительстве люди профессиональные. Но есть профессионализм, а есть нравственность, есть традиции, есть принципы. И, кстати, ведомственный интерес и профессиональный интерес иногда могут быть в конфликте и с нравственными принципами, и со многими другими вещами, которые очень важны при принятии таких решений.

Поэтому еще раз хочу Вам пожелать, чтобы у Вас все было замечательно. У Вас уже который будет по счету ребеночек?

А.В. ШВАБАУЭР

Третий пока.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пока третий. То есть Вы как раз реально станете многодетной мамой. Чтобы все было замечательно! И спасибо Вам за эту принципиальность и открытую, честную постановку такого рода спорных, острых вопросов.

Я предоставляю слово последнему докладчику – Тачмамедовой Жанне Курбановне, затем у нас состоится дискуссия. Тема – "О разрушительных формах приемного родительства".

Жанна Курбановна – клинический психолог ЦВЛ "Детская психиатрия" имени Мнухина и член президиума Центрального совета Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление".

Пожалуйста, Жанна Курбановна.

Ж.К. ТАЧМАМЕДОВА

Собственно, тут немножко уже сказали про платное родительство, про возмездную опеку и так далее. Я как раз именно о ней и хотела немножко рассказать, потому что у нас несколько лет назад очень существенно была переформатирована система заботы о детях-сиротах, и во многом

рычагом этого переформатирования стал этот институт платного родительства, возмездной опеки, такого профессионального родительства. Мы, как всегда, скопировали опыт западных стран, и у нас это только-только появилось, а у них это существует уже давно. И надо сказать, что западные специалисты сейчас считают (многие говорят), что формирование этого платного родительства было ошибкой, что это вообще наихудшая форма устройства детей-сирот и очень разрушительная. Собственно говоря, как раз об этом я и хотела бы немножко рассказать. Какие они указывают факторы, которые придают этому институту такие очень негативные черты и характеристики? Во-первых, это риск повторной психической травматизации. Да, я хотела сказать, что сюда не входит родственная опека, это именно вот эти профессиональные платные родители, которые берут ребенка и получают за это деньги.

В чем риск повторной психической травматизации? Сама форма оформления этих детей предусматривает легкий отказ от них. То есть составляется договор, в котором возможность отказа прописывается. И сам этот отказ не является чем-то таким ужасным и катастрофическим. Ну, не понравился ребенок, не получилось ничего, надоел ребенок – от него можно отказаться, его можно вернуть, и это не будет катастрофой, никто не несет за это никакой ответственности. Все хорошо. То есть если у нас родная мать отказывается от ребенка, то все считают, что это трагедия, осуждают эту мать, а вот тут отказываются от ребенка – ну, ничего страшного, можно взять другого. То есть как-то... Это приведет к достаточно опасным последствиям. Например, в США это уже стало обыденностью. Они признают, что возврат детей стал обыденным. Там 40 процентов детей возвращается многократно – не один, не два раза, а пять, десять, я даже знаю случай, я читала, – сотни раз. Ребенка на протяжении всего детства перетаскивают из одной семьи в другую, перекидывают. Это, конечно, страшная травматизация. То есть этот ребенок, от которого отказались приемные родители, – уже дважды сирота, он получает страшную травму. Ну, опять же для него это катастрофа, но никто за нее не несет ответственности.

Следующий фактор, естественно вытекающий из первого, – это значительное увеличение количества психических заболеваний у этих детей. Я приведу данные исследования, проведенного национальным советом здравоохранения и социального обеспечения Швеции. Они говорят, что из числа детей, попавших под опеку социальных служб, именно у индивидов, росших в фостерных семьях (это как раз вот эти семьи с платным родительством), наблюдается самый высокий процент суицидов, они чаще всего страдают от депрессий и других психических заболеваний.

Многие исследователи также отмечают у таких детей множество нарушений психического здоровья, трудности в обучении, делинквентное поведение. Лонгитюдные исследования (замеряли

показатели уже через десятки лет) показали, что дети, выросшие в фостерных семьях, во взрослом возрасте чаще становятся преступниками, там очень высок уровень преступности среди таких детей.

И следующий фактор – это риск эксплуатации этих детей-сирот. Всем очевидно, что возможности контроля за условиями содержания детей в детском доме значительно выше, чем за условиями размещения каждого ребенка в приемной семье. Понятно, что проконтролировать сотню детей этого детского дома, в котором все прозрачно, все друг у друга на виду, проще, чем проконтролировать сотню приемных семей, особенно тех, которые увезли, например, ребенка куда-нибудь на дальний хутор, что там происходит с этим ребенком. То есть мы существенно снизили уровень защиты детей-сирот таким образом. И это действительно реальность, потому что (привожу данные) согласно докладу, сделанному в Конгрессе США в 2014 году, по данным ФБР, 60 процентов детей, попадающих на криминальный рынок работоторговли и сексуальной эксплуатации, – это дети из фостерных семей и так называемых семейно-воспитательных групп. Как только снизился контроль – тут же мы понимаем, что этих детей начинают использовать.

Дальше я приведу сравнительные характеристики (то есть ученые сравнивали разные формы устройства детей-сирот) и расскажу, как они пришли к выводу, что, вообще-то, фостерная, возмездная опека – это наихудший, так сказать, вариант. Они сравнивали, например, эти возмездные опеки и родственников-опекунов. Там тоже есть возмездная опека, среди родственной опеки. Это две формы опеки. Они считают, что уровень благополучия детей, размещенных в семьях родственников, демонстрирует более стабильное поведение, чем детей, размещенных в фостерных семьях. Там существенно меньшее количество возвратов, то есть если это родственная опека, то там резко снижается уровень возвратов. Понятно, что коммерческая составляющая там существенно меньше, поэтому от детей отказываются меньше. И, естественно, это очень сильно влияет на их благополучие: по интеллектуальным показателям они более благополучны, по эмоциональному развитию они тоже более благополучны.

Далее сравниваются фостерные семьи и усыновленные дети, то есть настоящее усыновление, когда ребенка берут навсегда в семью. Здесь, конечно, самый большой разрыв. То есть дети, которые усыновлены, вообще по своим показателям интеллектуального и эмоционального развития приближаются уже к детям, которые растут в родных семьях. Конечно, все равно есть отличия, но они уже приближаются. Так тут вот самая большая разница, у детей, выросших в фостерных семьях, просто очень большая разница, очень сильно они отличаются.

И, наконец, фостерные семьи и детские дома. У нас под эту систему "Россия без сирот" было разрушено наибольшее количество детских домов, осталось их немного, и они сейчас как такой

перевалочный пункт, то есть между одной приемной семьей и другой или между родной семьей и приемной. Тут не только европейские исследования, но и, например, есть американские исследования. Данные Университета Дьюка (США) говорят о том, что по сравнению с устройством в фостерную семью воспитание ребенка в детском доме более благополучным образом сказывается на его развитии. Об этом говорят как раз эти исследования. И, более того, дети, выросшие в детских домах, не уступали в эмоциональном и интеллектуальном развитии детям-сиротам, выросшим в семьях родственников (это та самая родственная опека), они примерно совпадали. Собственно, и получается, что самый худший вариант – это вот эти самые фостерные семьи, на которых у нас сейчас большой акцент сделан.

Почему так происходит? Все идеологи этого разрушения детских домов и те, кто очень много говорил о том, что ребенку нужна семья, что нужно устраивать детей в семьи, а детские дома – это зло, это очень плохо, говорили в принципе правильные вещи. Они говорили, что только в семье (ну, не только в семье, но в принципе) ребенок получает тот самый опыт каких-то глубинных личностных отношений между матерью и ребенком, между отцом и ребенком, основанных на любви, на доверии, то есть, выражаясь научным языком, формируется такая гармоничная форма привязанности, это действительно во многом формирует ребенка, формирует личность ребенка. С этим можно согласиться. Но когда мы говорим об этом фостерном родительстве, то тут никакой такой привязанности, никаких таких отношений просто не возникает, потому что основные факторы возникновения такой формы привязанности – это, во-первых, непрерывность отношений, а во-вторых – безусловность принятия, то есть ребенка берут не по договору, как передаваемый товар, а безусловно, и поэтому тогда формируются какие-то гармоничные формы привязанности.

Поэтому, когда нам говорят, что "вот мы устроили ребенка в семью", нужно понимать, что семья... Что такое семья? Это такая общность людей, в которой отношения друг с другом сформированы на основе любви, это какие-то бескорыстные отношения. Когда же мы вносим корыстные отношения в семью, то это уже антисемья, это уже нельзя назвать семьей, это что-то совершенно противоположное. Соответственно, если семья – это институт, в котором формируется личность, то в антисемье формируется... как я уже выше говорила, очень высок уровень преступности, мы растим, собственно говоря, армию преступников в таких семьях.

Я читала воспоминания этих детей, которых переносили (их даже не спрашивали, как скот, знаете, как лошадей продают...), они говорят: "Вот нас будят поутру и говорят: "Все, ты уезжаешь в другую семью". Его никто не спрашивает, хочет ли он куда-нибудь. Все говорят о глубоком чувстве унижения, которое они испытывали. И там очень часто вырастает два типажа: это либо очень сильно

сломленные люди, то есть люди, которые абсолютно раздавлены как личность, либо вырастают люди, которые просто ненавидят всех вокруг себя, то есть это такие очень серьезные психопаты.

Я считаю, что законодательство относительно замещающих семей, приемных семей нужно серьезно менять, потому что это достаточно опасное явление. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Жанна Курбановна, спасибо большое. Тоже очень интересный подход. Я думаю, тоже будут дискутировать, но интересно. Если есть Ваше выступление в письменном виде, передайте его, пожалуйста.

Итак, коллеги, мы начинаем дискуссию. До семи минут – выступления. У кого к докладчикам (у нас их было четыре) есть вопросы – пожалуйста, в письменном виде передайте их сюда, в президиум.

Я предоставляю слово в нашей дискуссии Хазовой Ольге Александровне, старшему научному сотруднику Института государства и права Российской академии наук, члену Комитета ООН по правам ребенка.

Приготовиться Мамиконян Марии Рачиевне.

Спасибо, что Вы, несмотря на заболевание, пришли к нам, очень заинтересованы в том, чтобы действительно у нас было сбалансировано семейное законодательство.

О.А. ХАЗОВА

Спасибо большое.

Я обозначила тему своего выступления следующим образом: "О необходимости запрета телесных наказаний в отношении детей в Семейном кодексе". Я считаю, что это в полной мере подпадает под тематику нашего сегодняшнего обсуждения, но боюсь, что находится в некотором диссонансе с отдельными выступлениями, которые мы сегодня слышали. Тем не менее тема, как она сформулирована, говорит сама за себя.

Я начну не с Семейного кодекса, а с Конвенции ООН о правах ребенка, о которой мы как-то, по-моему, немножко подзабыли. Эта Конвенция кардинально изменила то, как мы воспринимаем (или должны воспринимать) положение ребенка в обществе в целом и в семье в частности. Ребенок более не воспринимается (или не должен восприниматься) как собственность своих родителей, как нечто, с чем родители могут делать все, что они хотят. Ребенок больше не является таким своего рода пассивным и зависимым от власти родителей, я бы сказала, членом семьи.

В соответствии с Конвенцией ребенок – равноправный участник семейных отношений, и мы более не можем говорить о родительской власти, по крайней мере в том контексте, в каком этот термин употреблялся на протяжении длительного-длительного времени.

РЕПЛИКА

Тысячелетий.

О.А. ХАЗОВА

Ну, нескольких веков по крайней мере. Но у нас сегодня 2017 год, поэтому я хочу, чтобы мы все-таки оперировали сегодняшними понятиями.

В соответствии с духом и буквой Конвенции ООН о правах ребенка ребенок – полноценный человек, просто он маленький еще. Поэтому не удивительно, что Конвенция в отношении родителей не использует термин "родительская опека" (здесь сегодня затрагивали эту тему, но это отдельный вопрос, я не хочу его сейчас касаться, потому что здесь есть проблемы и есть о чем думать в этой связи), Конвенция использует термин "родительская ответственность", и родители и в определенных случаях законные представители ребенка, иные законные представители несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка, при этом обеспечение наилучших интересов является предметом их основной заботы. Совершенно очевидно, что с точки зрения осуществления ребенком его прав существует колоссальная разница между новорожденным ребенком и 15-летним подростком, мы все это, конечно, понимаем. И с учетом этого Конвенция строит регулирование отношений между родителем и ребенком на основании концепции развивающихся способностей ребенка (это одно из ключевых понятий Конвенции). Соответственно, родители должны (я практически цитирую) управлять и руководить ребенком в осуществлении им признанных Конвенцией прав в соответствии с развивающимися способностями ребенка, но в любом случае родители должны воспринимать ребенка как равноправного члена семьи.

В замечаниях общего характера, подготовленных в свое время Комитетом ООН по правам ребенка (это замечание общего характера № 12 в отношении права ребенка быть услышанным), отмечается, что родители должны придавать такому руководству или управлению форму напоминаний и советов, а на более позднем этапе перейти к обмену мнениями на равноправной основе. При таком подходе, как мне представляется, нет места телесным наказаниям. Почему-то мы считаем недопустимым отшлепать или ударить по лицу, даже не сильно, взрослого человека, а если мы попробуем, то это едва ли останется для нас безнаказанным. Но в то же время почему-то считается, что шлепать, пихать, пинать, давать подзатыльники своим детям – это абсолютно в порядке вещей, это можно. Легкий шлепок не оставляет никаких следов, он даже может быть, строго

говоря, и неболезненным. Поэтому с точки зрения уголовного законодательства никакого преступления не совершается, но, безусловно, это насилие, это унижение, безусловно, и это то, чего родители ни в коей мере не должны допускать. И подобного рода унижение, как правило, не проходит для ребенка бесследно.

В Семейном кодексе есть статья 65, которая сегодня уже упоминалась, но в другом контексте, которая, конечно, всем присутствующим очень хорошо известна. Она называется "Осуществление родительских прав", и в ней говорится, что при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Телесные наказания, даже если они не причиняют вреда физическому развитию, совершенно определенно причиняют вред психическому здоровью и нравственному развитию. Поэтому, с моей точки зрения, внесение вот этих буквально нескольких слов в статью 65, в которой был бы сформулирован запрет телесных наказаний, имело бы очень большое воспитательное значение.

Время мое практически истекло, но тем не менее я хотела бы обратить ваше внимание на то, что насилие начинается в семье, и оно очень часто начинается со шлепков.

В настоящее время полный запрет телесных наказаний, в том числе в семье, предусмотрен, если говорить о Совете Европы, в законодательстве 31 страны из 47 стран, входящих в Совет Европы. Последней была Литва, которая в январе или в феврале этого года ввела такой запрет. Более того, многочисленные исследования показывают, что в тех странах, где введен полный запрет телесных наказаний, резко снижается уровень насилия в целом и снижается детская преступность. В частности, есть такие данные, очень демонстративные, по Швеции.

Ну и последнее (буквально одна секунда). Когда был диалог в 2014 году в Комитете ООН по правам ребенка с Правительством Российской Федерации, по результатам анализа докладов и диалога Комитет сделал рекомендации Российской Федерации, которые, строго говоря, состоят в том, чтобы предусмотреть запрет телесных наказаний в семье и в альтернативных учреждениях, кстати говоря. Спасибо вам большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо за альтернативную точку зрения, Ольга Александровна, с обоснованием. Интересен аргумент о том, что уровень преступности снижается в странах, где запрещены телесные наказания. Но я вам должна сказать, что у нас без запрета уровень детской преступности снизился просто в разы. В советское время он все время держался на уровне где-то 10 процентов в общем объеме, а сейчас он

составляет где-то 3 процента, то есть очень сильно снизился, даже без запрета. Поэтому не думаю, что тут есть прямая корреляция, но, конечно, все надо изучать и обсуждать. Но ведь у нас та страна, в которой законодательство достаточно жесткое. У нас уголовная и административная... Это наша особенность. То, что в Литве – уголовная, у нас – административная. Я даже думаю, может быть, размер жестче, потому что административная ответственность у нас есть за любые виды насилия по отношению к ребенку. Но ведь вопрос (в том числе и Ольга Владимировна его ставит): как разграничить, где есть насилие?.. Ведь не любое прикосновение к ребенку – это есть какое-то насилие по отношению к нему.

Сегодня эти методички, которые мы видели, на основе которых применяется это законодательство, фактически позволяют сделать один вывод: воспитывай ребенка, не прикасаясь к нему. Любое прикосновение, если ребенок скажет, что он испытал боль или еще что-то (то есть только заявление ребенка...), может рассматриваться как насилие. И, естественно, воспитывать ребенка, не прикасаясь к нему, а тем более в повседневной жизни и случайно можно задеть (по квартире бежишь, что-то еще...)... То есть не обязательно же... Соответственно, тут очень много граней, и должна быть разумная мера. Ее нам все равно предстоит найти, чтобы защитить ребенка от изъятия там, где это просто абсурдно. У меня таких обращений очень много. Хорошо, что отменили тот закон, который родительские организации называли "законом о шлепках", потому что доходило до абсурда.

Я вам могу привести самый последний пример. Было обращение в декабре, когда у мамы изъяли и маленького ребенка (совсем маленького – где-то год ему), и шестилетнюю девочку, которая в садик ходила, потому что, когда она девочку привела в детский сад и оставила там (по всем инструкциям первое, что должен сделать воспитатель, – осмотреть наружно, нет ли каких-либо следов у ребенка на теле), воспитатель обнаружила на лбу девочки синяк, стала ее спрашивать, а девочка не сказала, откуда синяк. Соответственно, она сообщила в полицию, в опеку. Ребенка не вернули маме, когда она вечером пришла, еще и забрали маленького. Когда стали разбираться, оказалось, что девочка не говорила, кто ее ударил, а опека и воспитатель решили, что это она просто маму защищает. А оказывается, она играла в кубики со своим младшим братом, он ее стукнул кубиком по лбу, она не сказала маме, чтобы маленького брата не наказали, чтобы не ябедничать на него. И вот получилась такая нелепая ситуация, где дети были вне семьи несколько дней, пока... Даже не несколько дней, скажу вам так, а было возбуждено уголовное дело, которое нельзя было прекратить по тому закону, пока не был принят закон, который исправил эту ситуацию. Это, конечно,

абсурдная ситуация. Но особенность такова, что у нас много складывается абсурдных ситуаций, если закон не очень точен.

Спасибо Вам за альтернативу.

А.В. ШВАБАУЭР

Елена Борисовна, можно 15 секунд? Я хочу комментарий сделать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Мы учитываем Ваше положение.

А.В. ШВАБАУЭР

Маленький комментарий по Швеции. В Швеции физические наказания детей запрещены в 1979 году. В 2004 году департамент криминологии университета Швеции выпустил доклад о тенденциях детской преступности. По этим данным, с 1980-х годов в Швеции пошел резкий рост насильственной детской преступности – за 10 лет скачок почти в три раза. А, по статистике Росстата, в Российской Федерации за период с 2000 по 2014 год детская преступность упала в четыре раза: в 2000-м – 195 тысяч преступлений, в 2014-м – 59 тысяч преступлений. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, Ольга Александровна

О.А. ХАЗОВА

У меня, к сожалению, нет при себе никаких цифр, но в отношении Вашего выступления я могу сказать, что существуют абсолютно убедительные данные о невероятно разрушительном воздействии на детей, которые находятся в детских учреждениях, в государственных учреждениях. И с этой точки зрения приемная семья (назовем ее фостерной – какой угодно)... Я согласна, что усыновление – это оптимальная форма помещения ребенка, она и у нас обозначена как оптимальная, как первая, но при надлежащем подборе приемных родителей, при надлежащем контроле за тем, как они воспитывают ребенка, этого всего можно избежать. И существуют другие цифры (к сожалению, у меня нет их при себе, я не могу подтвердить...). Но, во всяком случае, это совершенно однозначно, это факт, уже практически никем не оспариваемый, – что губительнее всего нахождение ребенка в детском учреждении.

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Ну, как же? Я оспариваю, Ольга Александровна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы выскажетесь, отец Димитрий, я Вам дам слово.

М.Р. МАМИКОНЯН

Другой же был вопрос-то.

О.А. ХАЗОВА

Не другой...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет-нет, Ольга Александровна добавила применительно к выступлению, которое звучало.

Спасибо.

Отец Димитрий, Вы...

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

Мне надо уже уходить.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мария Рачиевна, может...

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

Если пропустят, тогда я возвращаюсь.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо, отец Димитрий, Мария Рачиевна Вас пропускает. Пожалуйста.

Ольга Александровна, если у Вас будут какие-то дополнительные письменные тексты, у нас есть еще время для того, чтобы их тоже включить в сборник. Потому что эта дискуссия позитивна. Дискуссия всегда позитивна, она позволяет услышать реальные аргументы.

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

Простите, что влез, просто...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, отец Димитрий (Смирнов), председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства.

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

Итак: "Духовные основы и правовые принципы совершенствования защиты прав родителей в российском законодательстве".

Я, может быть, скажу для некоторых странные вещи. Но человек – трехипостасное существо, он создан не как индивидуум со своими правами, а как именно подобие святой троицы – мужская ипостась, женская и детская. При едином существе – разная ипостась. И это есть создание Божие, потому что, несмотря на то что родители участвуют в создании ребенка, их роль, конечно, намного меньше, чем самого Творца, который создал вообще и всю вселенную. И вот на этом зиждутся

духовные основы, а не правовые принципы, потому что любая юриспруденция – это все-таки механический подход (при всей римской гениальности).

К сожалению, на протяжении довольно долгого времени в наше законодательство, касающееся семьи, вносились изменения с оглядкой не столько на интересы наших семей и народа, сколько на различные международные стандарты и рекомендации, часто очень-очень сомнительные, иногда просто лживые. Это очень печально.

Не будем слишком сильно винить тех, кто бездумно это делал, по многим причинам: по неграмотности, по лени... Легче перевести с английского, чем создать свой собственный продукт. Поэтому очень часто делали такие кальки, и делают до сих пор, потому что не только в фостерные семьи, но и в законодательные органы иногда приходят люди ради собственной безопасности, потому что освобождаются от уголовной ответственности, а также чтобы поправить свое материальное положение. Такое явление есть, любой депутат, сенатор нам может это подтвердить.

Ведь они знали, что последовательное воплощение в жизнь многих таких предложений и рекомендаций приведет в разных странах к одобрению так называемых однополых браков, признанию права на усыновление однополыми парами детей, попыткам уничтожить разницу между мужчинами и женщинами и массовому разрушению семьи, а также существованию 62 полов официальных у нас на Земле вопреки тому, что создал Бог, и так далее.

Конечно, уже тогда некоторые люди предупреждали, что к этому все идет, но, как водится, не слушали. Но теперь мы всё видим на практике и хорошо знаем, а значит, надо прекратить черпать из этих источников отравленную воду с закрытыми глазами, то есть обязательно нужно все, что приходит в этом мутном потоке, изучать, давать этому оценки. Потому что очень многие даже комитеты ООН... их толкование деклараций, которые там были созданы, произвольно совершенно, и они порой совсем не связаны с тем текстом, от имени которого они выступают. Это очень легко доказать, как два плюс два – четыре, я уж не говорю "дважды два", это гораздо сложнее.

Семья – это основа общества и народа, поэтому надо признать, что все эти новые веяния, многие из которых, к сожалению, уже в том или ином виде отразились в наших законах, – это прямая угроза нашей национальной и государственной безопасности. Надо прекратить внедрять подходы, которые с неизвестными целями... Есть известные подозрения, почему происходит это внедрение. Потому что, понятно, всеобщая любовь Европы и Америки к нашему народу непосредственно, к нашей истории, к нашему государству проявляется во всем. Даже просто взять повестку дня Совета Безопасности ООН – это просто наглядная такая иллюстрация.

Надо прекратить внедрять подходы, которые были разработаны за рубежом и навязываются нам экспертами и НКО, фактически выполняющими чей-то внешний заказ, понятно, за чьи-то внешние деньги. Вместо этого надо вернуться к таким нормам, которые будут защищать семью, права и авторитет родителей, воплощая в жизнь наши родные воспитательные идеалы, нашу традиционную культуру семейной жизни, стоящую на прочных духовных и нравственных основаниях. А от всего того, что их разрушает, в законе или общественной жизни надо избавляться так же, как крестьянин избавляется от опасных сорняков и вредителей, потому что хочет, чтобы его семья, детишки и все люди вокруг были здоровы и счастливы.

Вот несколько конкретных, важных изменений в законодательство, предлагаемых нашими специалистами, я имею в виду патриаршую комиссию.

В Концепции государственной семейной политики упоминается презумпция добросовестных действий родителей в отношении детей. Этот принцип, который наш Конституционный Суд назвал общепризнанным, надо в явном виде внести в Семейный кодекс. Но этого недостаточно, надо внести в него еще одну норму – презумпцию соответствия действий родителей подлинным интересам детей (не психологов, а именно родителей). Все законные действия родителей должны считаться направленными на пользу ребенка. Презумпция должна быть. Если в судебном порядке будет установлено, что это не так, тогда будем принимать меры к этим родителям.

И закон должен требовать прямо, чтобы из этих двух принципов исходили все действия и оценки государственных специалистов в отношении семьи, родителей и детей. Нужно в этом виде защитить законом все основные естественные права родителей, которые всегда традиционно признавались за ними в российской культуре. Это, в частности, их право свободно принимать решения в отношении воспитания детей, выбирать методы и способы воспитания по своему усмотрению, а не по усмотрению ООН, осуществлять религиозное и мировоззренческое воспитание детей. Родители вправе привлекать детей к посильному домашнему труду, учению, исполнению религиозных предписаний, соблюдению домашней дисциплины, использовать в воспитании домашние меры поощрения и наказания, при необходимости осуществлять права своих детей и руководить их осуществлением самими детьми. Родители должны быть вправе ограничить в интересах детей свободу осуществления некоторых их прав ради их безопасности, нравственного воспитания и развития.

Должно быть запрещено преследование родителей в связи с использованием родительских прав. Привлечение родителей к какой-либо правовой ответственности должно допускаться, только когда доказано, что они виноваты в нарушении той или иной справедливой обязанности,

закрепленной в законе. Четко установить в законе, что нельзя наказывать родителей за то, что они не выполнили какие-то обязанности, выходящие за рамки их существующих финансовых, экономических и иных возможностей.

Закрепить право родителей под свою ответственность свободно временно доверять исполнение части своих прав и обязанностей другим родственникам или иным лицам по их выбору, когда этого требуют жизненные обстоятельства семьи, потому что в противном случае получается абсурдная ситуация. Для этого должно быть достаточно простой доверенности, а не установления требующей серьезных хлопот временной опеки, как сейчас. Абсурдна ситуация, когда родитель может на время поместить ребенка в детский дом, а попросить временно позаботиться о нем родных или друзей семьи фактически не вправе, а сейчас это именно так.

Внести изменение в Федеральный закон № 120 "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних", исключив возможность принудительного вмешательства в семейную жизнь в рамках профилактической деятельности, за исключением случаев, когда родителями совершаются в отношении детей доказанные правонарушения или преступления. В основе защиты прав родителей должно быть признание простого факта, на который, кстати, также указывал наш Конституционный Суд: эти права следуют из самой природы (я имею в виду, божественной) детско-родительских отношений, они неоспоримы и естественны, а не создаются по воле государства или отдельных законодателей. Иными словами, нельзя отменить или произвольно ограничить просто потому, что государство считает это полезным. Именно признание этого принципа, уважение и доверие к семье и родителям, защита приоритета их воли и решений в отношении детей, суверенность семьи, неприкосновенность семейной жизни (кроме отдельных, исключительных, крайних случаев) должны стать основой обновленной и, правильнее сказать, возрожденной концепции отношений родителей и детей в семейном праве нашего Отечества. Спасибо за внимание.

И, если вы мне позволите, просто три короткие реплики. Первое. Уполномоченный по правам ребенка в Московской области сказала, что не нужно возвращать ребенка той семье, которая его украла, чтобы не создавать прецедента. Почему? Ну, она простой чиновник. Чиновнику очень часто "чихать" не ребенка, им главное – чтобы не создавать проблем в дальнейшем. И тем самым она очень сильно на это повлияла.

Второе. Теперь по поводу психологов... Я знаю одну семью, вернее, маму. Я считаю, что из тех женщин, которых я встречал за свою почти 70-летнюю жизнь, это была самая прекрасная мама на свете. Ее муж, с которым она развелась, лишил ее возможности видеться с детьми, и она потеряла

двоих детей: одному – 10 лет, другому – семь. Он выставил охрану, которая спускала ее с лестницы, он выписал ее из квартиры и, получая жалование в 1 млн. рублей в месяц, заставил платить алименты. Сейчас на старшего алименты уже не уплачиваются. То есть полное бесправие. Это произошло в Москве. Понимаете? Вот как действуют психологи? Очень просто. Он взял из опеки двух психологов, и они за две недели подготовили детей так, что они сказали маме: "Мам, а ты могла бы к нам больше не приходить?" Представляете? Вот психологи. И вот результат. Я не знаю, сколько им заплатили, но детей перенастроили. И все попытки на протяжении 10 лет попробовать просто увидеться или созвониться, или, войдя в контакт, заговорить с ними не увенчались успехом.

Третье. Да, действительно, нужна помощь многодетным и всем нуждающимся, так же как и всем семьям – фостерным и другим. Это было бы гораздо эффективнее.

Ну а про нашу любимую Швецию... За 10 лет после запрета "шлепков" уровень тяжких преступлений, связанных с насилием над детьми, вырос ровно в 10 раз. Ссылочку могу дать. В 10 раз – с насилием над детьми. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Отец Дмитрий, Вы не могли бы этот текст нам передать?

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вот Вере Алексеевне. Спасибо большое, отец Дмитрий.

о. ДИМИТРИЙ (СМИРНОВ)

До свидания. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Марии Рачиевне Мамиконян, председателю Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление".

Приготовиться Максимович Любове Борисовне.

М.Р. МАМИКОНЯН

Я вообще сегодня не собиралась выступать, поэтому нет ни доклада, ничего, но события последних дней заставляют сделать некое, я бы сказала, даже заявление от лица нашей родительской организации. Это касается тех экстраординарных форм уже использования детей в политической жизни страны, свидетелями которого мы только что оказались. И, к сожалению, мы понимаем, что дальше такое использование детей, в огромной степени манипулятивное, будет только

раскручиваться, потому что мы уже сейчас имеем дело с неким шантажом. Например, мы слышим, что если не будет сделано то-то и то-то властью, то на улицы выйдут уже не школьники, а детские сады.

И вот этот путь, на который сейчас встала часть нашей общественности, нашей политической когорты, должен быть немедленно перекрыт, потому что если мы допустим участие детей в опасных для их жизни и здоровья манифестациях, общественных акциях политических, то (это, конечно, является провокацией со стороны тех, кто их туда зазывает и все это именно в детской среде раскручивает) это кончится, начавшись так, вообще неизвестно где. Потому что если сейчас не ввести запрет, мораторий на участие детей в таких акциях, митингах, то есть не запрещать им там быть, например, на рамках не производить отсев несовершеннолетних, то мы столкнемся завтра вообще с какими-то непредсказуемыми ситуациями, или даже предсказуемыми, я бы сказала.

Далеко не все подростки разделяют те, скажем так, подростковые порывы, с которыми дети пришли на эти митинги под лозунгом "Против коррупции". Не потому, что другие дети любят коррупцию, а потому, что, например, они видят в этом определенные социальные или какие-то еще притязания – говорить от лица всех, всего поколения... А у них к этим подросткам может быть очень враждебное отношение. К сожалению, да, у нас агрессивность в обществе распространяется и внутри возрастных страт, между разными частями общества.

Поэтому мы можем получить, извините, подростковую, молодежную гражданскую войну. И для этого даже не нужно будет тех, других, детей к чему-то призывать, они просто в какой-то момент скажут, что они ничуть не хуже, и тоже пойдут, и начнутся молодежные драки. Разве это не понятно?

Кроме того, все начинается с политических прогулок, а кончается таким вот использованием детей, тем, чем это кончается в ряде других стран мира. И мы это тоже знаем. Мы знаем, как возникает детский суицидальный терроризм, как его используют экстремистские организации, в основном исламистского толка. Мы знаем, что в Африке существуют детские армии, где дети 10 лет воюют. Вот это все уже в мире есть. И если сейчас этот мешок развязать здесь, то из него посыплется все что угодно.

Что значит не дать развязаться такому мешку? Прежде всего, нельзя ни в коем случае направлять какую-то карательную систему на родителей. Потому что у нас очень часто говорят... Например, уже были введены какие-то санкции против родителей, оставляющих детей, по-моему, до 12 лет в машине, были предложения не разрешать детям оставаться одним дома, если маме нужно сбежать за хлебом, молоком, а дети вполне способны в это время побыть недолго одни. Вот этого всего не должно быть. Родители, семья отвечают за детей. Поэтому если родители хотят прийти на

митинг с ребенком за руку, то это их родительское право. Мы, наверное, не должны никак этому препятствовать, это их право. Но за последствия, если, не дай бог, что-нибудь произойдет (типа Ходынки, уж не говоря о спровоцированных кровавых событиях специально, а это бывает в сегодняшней толпе, и террористические акты бывают в толпе), будут отвечать тогда родители. Что поделать? Несчастье случилось. Но это не должно быть инструментом в руках политических акторов сегодняшней нашей жизни.

Далее надо оговорить, что это никак не касается вообще участия подростков в какой-то идеологической дискуссии, предположим. Это не запрет думать так-то и так-то, нет. Дети взрослеют, они хотят активно осваивать мир идей, и эти идеи могут быть разными. Но пусть вот это столкновение идей происходит не на улице. Это очень важная вещь.

И еще одну вещь хотела сказать. Пока что это не до конца исследованный нами вопрос, но мы уже получили сообщение от социологов (причем это вполне официальный институт, работающий в одном из наших регионов), что некоторые админы пабликов, которые пропагандируют группы смерти, и пабликов, которые собирают детей на политические акции, совпадают. Надо тоже понимать, что версия (пока что еще версия) о том, что весь этот взрыв суицидальной тематики в подростковой среде мог быть не случайным, потому что так же на самом деле работают и специалисты во всем мире, которые создают группы под суицидальный терроризм. То есть эти вещи, увы, могут оказаться связанными. Это очень серьезная опасность. Мы просим рассмотреть возможность внесения некоего законопроекта в Госдуму, причем срочно, потому что потом может быть поздно. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Как рекомендация есть, так что включим.

Максимович Любовь Борисовна, старший научный сотрудник, член временной рабочей группы по совершенствованию семейного законодательства. Тема – "Право на общение в контексте детско-родительских отношений". Можно с места.

Приготовиться Шелютто Марине Львовне.

Л.Б. МАКСИМОВИЧ

Уважаемые участники парламентских слушаний! Сегодняшнее заседание в очередной раз показало, сколь многогранна тематика детско-родительских отношений.

Я коснусь только одного аспекта, о котором сегодня здесь не говорилось, но, на мой взгляд, это весьма важный вопрос, и что с этим делать, пока совершенно не понятно. Этот аспект касается права ребенка на общение с обоими родителями и права отдельно проживающего родителя на

общение с ребенком, а также того, какое влияние на право того и право другого оказывает статья 57 Семейного кодекса, посвященная праву ребенка выражать свое мнение.

Напомню, статья 57 – одна из важных новелл Семейного кодекса 1995 года, и новелла, которая, в общем, была воспринята весьма позитивно. В частности, в статье 57 сказано, что ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, и учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Последней нормы я не касаюсь, потому что там императивные указания на то, в каких случаях вообще мнению ребенка, достигшего возраста 10 лет, придается окончательное, решающее и никем не оспариваемое значение.

Так вот, возвращаясь к теме, связанной с общением. Проанализировав судебную практику последних лет, а также ту практику, которая в моей практической деятельности имеет место, я с большим огорчением (это мягко сказано) обнаруживаю, что суды повсеместно, рассматривая дела об определении порядка общения ребенка с отдельно живущим родителем и устанавливая весьма развернутые и весьма, на мой взгляд, сбалансированные во многих случаях вот эти регламенты общения, практически перечеркивают принятые регламенты указанием в судебном решении (в резолютивной части во многих случаях), что установленный порядок общения осуществляется с учетом мнения и желания ребенка общаться с отцом (это я зачитываю просто текст).

В одном из недавних постановлений Московского городского суда Судебной коллегией по гражданским делам по конкретному делу сказано следующее: "Установленный порядок общения не предусматривает обязанность ребенка в обязательном порядке общаться с истцом. Право истца на общение с сыном может быть реализовано им только с согласия самого ребенка и не может быть осуществлено помимо его воли".

Таким образом, мы выходим вот на какую проблему – что судебная практика признаёт тем самым доминирующую роль, абсолютно доминирующую роль, за мнением ребенка, и самое главное – что это мнение ребенка она трактует как право решающего голоса, не совещательного. Это не то право быть услышанным, о котором сегодня говорила Ольга Александровна, это безусловное право быть услышанным. Но это право быть услышанным должно дальше переходить в стадию диалога, чтобы, так сказать, единолично родитель ничего не решал, – это правильно. Но то, по какому пути сейчас пошла правоприменительная практика, – это странно, удивительно и, самое главное, небезопасно.

Я несколько слов скажу еще вот о чем. В силу возраста, уровня развития и восприимчивости к внешнему влиянию ребенок, особенно ребенок дошкольного возраста, не способен сопротивляться психологическому давлению со стороны матери, с которой он, как правило, проживает, и мать для него при любом раскладе, какой бы ни был конфликт, – авторитет. И, находясь в конфликте с отцом и испытывая крайнюю неприязнь к отцу, она постоянно внушает ребенку то, что ему с отцом не следует общаться, по любым поводам, иногда внятно, лобово́, иногда какими-то обходными путями. И в этой ситуации формулировки судебных постановлений, по существу, позволяют ответчику... Я не хочу это, конечно, напрямую говорить, но, по существу, у нас истцы – это отцы, а ответчики – это матери, по этой категории дел редко бывает по-другому. Так вот ответчику предоставляются неограниченные, по существу, возможности манипулировать мнением ребенка с целью воспрепятствовать общению отца с ребенком.

И вот это психологическое давление на ребенка со стороны матери приводит к эмоциональным и поведенческим нарушениям у ребенка. И представляется, что в этих случаях, вот в такой ситуации, при таком раскладе, когда это совершенно очевидно становится уже в суде, даже не на стадии исполнения судебного решения в службе судебных приставов, а в суде, в деле обязательно должно быть участие... И тут я произнесу слово, которое сегодня здесь, в этой аудитории, крайне непопулярно, но я не побоюсь и произнесу его: участие детского психолога здесь обязательно, по данной категории дел, с моей точки зрения. Другое дело – психологи, как, собственно, и специалисты всех других специальностей, бывают разные: они бывают высокой квалификации, низкой квалификации, никакой квалификации – какие угодно. Но мы с вами говорим о человеке-профессионале, о том профессионале, который в Гражданском процессуальном кодексе называется специалистом. К делу должен быть привлечен специалист либо должна быть назначена экспертиза. Потому что ни суд, ни тем более судебный пристав, который будет потом исполнять это судебное решение (а он его никогда в жизни не исполнит, он не обладает специальными знаниями в этой области, и он ничего не сможет сделать, для того чтобы такое решение было исполнено)... Таким образом, выявлять мнение ребенка, безусловно, необходимо, однако нежелание ребенка общаться должно стать основанием для обязательного участия некоего специалиста либо на стадии судебного разбирательства, либо на стадии исполнительного производства. В противном случае применение статьи 57 приведет, первое, к неисполнимости судебного решения, что противоречит гражданскому процессуальному законодательству, второе – к легальному основанию, позволяющему ответчику не исполнять решение суда, и третье, самое главное, – к разрушению детско-родительских отношений.

Все. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Я думаю, что это очень хорошее предложение.

О.В. ЛЕТКОВА

Просто не делать мнение ребенка решающим. Мне кажется, главный-то вывод все-таки в этом должен быть, не в специалисте, а в том, чтобы мнение ребенка не рассматривалось как решающее, тем более с 10 лет. Он еще недостаточно зрел, чтобы определить необходимость своего общения с отцом.

Л.Б. МАКСИМОВИЧ

В том примере, который я привела, ребенку четыре года. Мама сейчас пишет приставу: "Ребенок не хочет", – и дело фактически закрывается, всё, исполнительное производство...

Е.Б. МИЗУЛИНА

А если по пути... Понимаете, детского психолога тоже ведь можно подкупить. *(Оживление в зале.)*

Т.А. КРЫЛАТОВА

Можно мы, детские специалисты, психиатры, в эту дискуссию как-то вклинимся?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я не вижу, кто с места кричит?

Т.А. КРЫЛАТОВА

Мы – детские психиатры, ранний возраст.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А Вы назовите свою фамилию для стенограммы.

Т.А. КРЫЛАТОВА

Татьяна Александровна Крылатова, ФГБНУ "Научный центр психического здоровья", отдел раннего возраста.

Конечно, приоритет в четыре года должен быть за матерью, и здесь психолог может только работать с мамой, создавать какие-то для нее условия, для того чтобы она приняла какие-то возможности контакта, но не более того. Все равно приоритет именно материнский, потому что если мама будет какое-то давление испытывать, то это будет нарушать ее психическое здоровье, и это будет отзываться на ребенке и дальнейшей его жизни. Так что здесь надо быть очень осторожным.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Нет, ну а право отца на общение...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, конечно...

Т.А. КРЫЛАТОВА

Право отца...

С МЕСТА (та же)

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, только без базара. Вы сказали – всё. Вы высказали свою точку зрения. У нас прозвучали разные точки зрения.

Я на самом деле считаю, что, если ребенок не имеет возможности общаться с отдельно проживающим отцом или матерью, это плохо скажется. Я везде говорю: ни в коем случае мамы не должны плохо отзываться. Терпите, раз вы разошлись, не говорите плохо об отце ребенка, к вам все это бумерангом вернется. Может, потом вам скажет мальчик (или девочка) выросший: "Что же ты такая, что у тебя такой был супруг?!" Это все вернется". Поэтому как это сбалансировать – надо искать вариант. Предложен один. Конечно, обойтись здесь без детского психолога действительно сложно, вот в этой ситуации, где конфликт, где спор. Действительно сложно. Но как сделать так, чтобы не манипулировали и детские психологи? Приводил отец Димитрий (Смирнов) такой случай. Мы, к сожалению, знаем и другие, так же как знаем совершенно замечательных, профессиональных детских психологов, и честных, и профессиональных, и порядочных. Надо найти какой-то баланс, а может, вообще сделать обязательным это общение с отдельно проживающим, независимо от того, хочет или не хочет...

Ну, пришли, посидели вместе, если ребенок не хочет общаться, хотя бы без второго родителя. Может быть, такой вариант – ввести достаточно жесткую и ощутимую ответственность, вплоть до того, что, если родитель, с которым проживает ребенок, препятствует такому общению... вплоть до рассмотрения вопроса о том, чтобы изменить место жительства ребенка. Я не знаю, давайте искать варианты, но то, что нужно обеспечить ребенку участие, чтобы не мог манипулировать, вот так злоупотреблять своими полномочиями тот родитель, с которым проживает ребенок... Наверное, надо какие-то механизмы все-таки предложить.

Л.Б. МАКСИМОВИЧ

Буквально полслова... Я, честно говоря, первую сейчас проблему, самую важную, вижу в том, как суды дают такую возможность. Вот в этом проблема-то.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А мы это запишем в рекомендациях. Я, кстати, себе записала... Любовь Борисовна, вот мы запишем, потом посмотрите, как получится в проекте рекомендаций, к Верховному Суду... Потому что я просто сейчас много работаю с Верховным Судом, и они слышат, они идут на такого рода контакты. Просто вот эта текучка тоже затягивает. И мы сейчас в рекомендации включим вот этот момент. Пусть они обобщат ту же практику, посмотрят действительно, чтобы уйти от этого формализма. Все-таки семейные дела, там, где дети и родители, – это очень тонкая сфера.

Мы же фиксируем тоже по судам и момент, связанный с тем, что не расширяем сферу компетенции судов применительно к семье и детям именно потому, что видим очень много формализма. Просто подмахивают, фиксируют, санкционируют решения, например, опеки вместо того, чтобы все-таки посмотреть. Для чего нам судебная процедура-то открытая нужна? Чтобы уйти от этого формализма. Спасибо, в рекомендации включим.

Слово предоставляется Шелютто Марине Львовне, ведущему научному сотруднику отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве. Тема – "О необходимости изменений правил и практики определения размера алиментов на несовершеннолетних детей".

Вы знаете, что сейчас готовит Верховный Суд, да? Постановление Пленума будет, они обобщили практику (сложнейшая...), много там всего. Спасибо.

Вам слово.

Приготовиться Жгутовой Элине Юрьевне.

Пожалуйста, Марина Львовна.

М.Л. ШЕЛЮТТО

Я выбрала эту тему для выступления, потому что считаю, что это существенная часть родительско-детских отношений – предоставление алиментов в тех случаях, когда родители проживают раздельно. Причем только на первый взгляд эта тема не совсем близка к тому, о чем здесь говорилось. Дело в том, что тогда, когда надлежаще урегулированы алиментные обязательства, не только материально обеспечен ребенок, но и семейные отношения между ребенком и отдельно проживающим родителем, а также между обоими родителями ребенка строятся правильно. И даже имеет это тот удивительный эффект, уже в масштабах государства, что сокращается теневая экономика, теневая занятость, тогда, когда урегулированы надлежаще.

Я думаю, что сейчас у нас алиментные обязательства родителей в отношении несовершеннолетних детей урегулированы ненадлежаще. Причем эта проблема рассматривается, с моей точки зрения, как-то сейчас однобоко, с одной только точки зрения – как заставить, как

вынудить родителя, отдельно проживающего, платить своевременно и полно алименты. И ключом к решению этой проблемы в основном называются меры принуждения, санкции. А в действительности есть, я думаю, более эффективный, правовой способ решения вопроса, и он состоит в том, чтобы определять размер алиментов справедливо.

В 1936 году в нашей стране был введен долевой порядок взыскания алиментов. Собственно, учитывается количество детей, на которых платятся алименты, и вы прекрасно знаете эти доли. Уменьшить размер доли (в действительности такая возможность есть по Семейному кодексу) на деле можно только в том случае, когда имеется несколько исполнительных документов, содержащих требования о взыскании алиментов, то есть когда алиментобязанный родитель должен платить алименты в адрес нескольких кредиторов (взыскателей).

Взыскание в твердой денежной сумме возможно по Семейному кодексу, но, во-первых, ограничено рядом ситуаций, во-вторых, критериев определения суммы алиментов нет, в-третьих, Верховный Суд... И я тут вслед за Любовью Борисовной приведу тоже казус, но этот казус опубликован в обзоре Верховного Суда, в Бюллетене Верховного Суда. "Выключил" Верховный Суд вообще такую возможность для известной части случаев, вот просто так, хотя в тексте закона все довольно четко сказано. Я вам зачитаю эту формулировку: "...получение одним из родителей сверхвысоких доходов, в связи с чем во исполнение алиментных обязательств им будут выплачиваться суммы, намного превышающие разумные потребности ребенка, не свидетельствует о нарушении интересов какой-либо из сторон алиментных обязательств, а потому не относится к установленному статьей 83 Семейного кодекса перечню обстоятельств, при которых возможно определение размера алиментов в твердой денежной сумме".

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ничего себе.

М.Л. ШЕЛЮТТО

Это определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Поэтому я с большой опаской жду вот этого нового постановления о взыскании алиментов.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы договорились, нам дадут проект, мы обсудим его.

М.Л. ШЕЛЮТТО

Да. И обращаю ваше внимание еще и на то, что размер алиментов, который в соглашении может быть определен родителями, оказался тоже увязан (но это уже нечеткость Семейного кодекса)

с долевым порядком взыскания алиментов. Есть отсылка в статье 103 к статье 81, и она совершенно нарушает задумку, собственно, с этими соглашениями об уплате алиментов. Я сейчас не буду вдаваться в детали, нужно время, чтобы объяснить.

И, таким образом, сейчас не учитываются ни соотношение доходов родителей, ни разумные потребности ребенка с учетом его возраста, с учетом конкретных обстоятельств его жизни при определении размера алиментов. Думаю, что теперь это уже анахронизм, вот такое определение порядка, долевого определение порядка. И неурегулированность при этом, недостаточная урегулированность, взыскания алиментов в твердой денежной сумме образует, я думаю, основную, в общем, причину уклонения родителей от уплаты алиментов, которая существует, и сокрытия доходов с этой целью... Всё это... А в корне лежит неправильное определение размера алиментов.

Выработанные подходы к определению алиментов, к справедливому определению размера алиментов, за рубежом... И сразу предупрежу, что мне никто не оплатил мое выступление. *(Оживление в зале.)* Я просто хочу, чтобы вы знали о том, какие существуют схемы определения. Потому что ведь этот вопрос не узко наш, не специфически наш, российский, понимаете? Вопрос о том, в каком размере должен отдельно проживающий родитель платить алименты, важен повсеместно. Это же стандартная ситуация для случаев, когда родители расходятся или никогда не жили, может быть, вместе.

При определении размера алиментов используются довольно четкие критерии. И вот эта четкость критериев, их обоснованность приводят к тому, что размер алиментов определяется совершенно прозрачно и справедливо и воспринимается как справедливый и тем родителем, который получает алименты, и тем родителем, который их платит. Разные совершенно модели есть, есть комбинации этих моделей от самых простых и до очень сложных.

Вот наша модель проста. Проста для кого? Для суда. А разве это цель регулирования, чтобы было удобно суду?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно, нет.

М.Л. ШЕЛЮТТО

Нет, конечно, нет. Поэтому не надо бояться какой-то сложности, в общем, все это довольно... Правда, единственное условие – все эти схемы основаны на честной статистике. Это не наша потребительская корзина и не наш прожиточный минимум, это честная статистика. Учитываются стандартные расходы на ребенка. К ним могут добавляться дополнительные расходы, но их нужно обосновывать, стандартные расходы, необходимые самому родителю.

Приведу примеры. Довольно известная... Это простая, кстати, схема, она основана на Дюссельдорфской таблице – это таблица, которая применяется в Германии, выработана она верховным земельным судом Дюссельдорфа, но применяется повсеместно. И довольно часто ее пересматривает этот суд в связи с тем, что растет уровень жизни, изменяются цены, изменяются стандарты. Она основана на комбинации двух критериев – это возраст ребенка (дети поделены на несколько групп) и доходы родителя (по уровню доходов родители также разделены на 10 групп с шагом в 400 евро). Так вот, по этой таблице можно определить размер алиментов в твердой денежной сумме. Но если к стандартным расходам добавляются дополнительные, то это также возможно сделать.

Есть намного более сложные схемы, например, схема – формула судьи Мельсона, которая применяется в нескольких штатах Соединенных Штатов Америки. Если Дюссельдорфская таблица с 1962 года работает в Германии, то формула Мельсона применяется с 1989 года, тогда, когда она была обоснована в одном из решений. Но суд периодически пересматривает и этот подход. Она более сложная, она основана на соотношении доходов обоих родителей, вычитаются стандартные расходы обоих родителей, и сумма, которая должна быть уплачена на ребенка, делится между обоими родителями, и это справедливо. Многие схемы учитывают количество ночевок, которые ребенок проводит с отдельно проживающим родителем. Известно, что в году 52 недели, вот 52 ночевки – это значит, что ребенок раз в неделю ночует, и так далее. Я могу продолжать, это очень интересно. Финляндия, рекомендательная инструкция 2007 года, подробнейшая, ну, очень четкая: справедливо нужно определять размер алиментов.

И второе замечание по алиментам (коротко). Сейчас фактически стало платным среднее профессиональное и высшее образование для многих детей, и нам обязательно надо решить вопрос об уплате алиментов в твердой денежной сумме, о справедливой уплате алиментов на детей, которые учатся. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Марина Львовна, спасибо. Разделяю Вашу точку зрения относительно твердой суммы. Даже у нас был один из вариантов законопроекта в комитете Госдумы, но мы не смогли договориться, согласовать этот вариант. И будем признательны, если Вы дадите и более подробную статью в наш сборник, в том числе и о дюссельдорфской системе, и Ваши предложения.

Но обратите внимание: у нас сейчас завал обращений, связанных с уплатой неустойки. Стали платить алименты добросовестно алиментоплательщики, возвращают все долги, потому что водительские права же отбирают... Поэтому пошло... возвращают накопившиеся долги, а следом

идет иск о выплате неустойки, и эта сумма зашкаливает до невероятных размеров. Просто такие письма без слез читать невозможно. И что делать – это сейчас тоже очень актуальная проблема. Очень много обращений, просто вал.

Люди говорят: "Вот мы добросовестно заплатили..." Но ведь когда-то они были недобросовестными. Что здесь?.. Я даже не знаю. Обсуждали даже, может быть, алиментные каникулы, как налоговые, сделать, потому что вал... Это может вылиться в очень большие протесты. Тоже надо решать.

Но абсолютно согласна, что нужно... Да, пусть будет сложная система, но чем сложнее – тем действительно справедливее в реальности. Она должна быть дифференцированной, безусловно. Спасибо.

Слово предоставляется Жгутовой Элине Юрьевне, члену Совета по защите традиционных семейных ценностей при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, руководителю информационно-правозащитного центра "Иван Чай".

Приготовиться Дзугаевой Алле Зауровне.

Пожалуйста.

Э.Ю. ЖГУТОВА

Добрый день! По предыдущему выступлению я буквально парочку слов скажу. Мария Рачиевна рассказывала об участии детей... Конечно, это плоды, безусловно, ювенальной юстиции, которые мы уже пожинаем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

В микрофон... Погромче.

Э.Ю. ЖГУТОВА

Я хочу просто привести пример вдогонку к заявлению Марии Рачиевны о том, что плоды ювенальной юстиции мы уже пожинаем и еще будем пожинать на протестных акциях. Сейчас очень популярна среди маленьких девочек (до семи лет) песня (они поют песенку), которая называется "Бабушкина пенсия". Там такой рефрен: "Если не почешется Пенсионный фонд, Мы откроем с бабушкой пенсионный фронт!" Это очень популярно. Кстати, о культуре воспитания... Это на больших мероприятиях девочки с бантиками поют такие песни.

Второе. Коль уж Вы, Елена Борисовна, затронули контингент, я хотела Вам просто потом подать историю нашей переписки, если так можно назвать, с Советом Федерации по поводу слушаний о контингенте. Мы написали 2 февраля, после того как прошли здесь официальные слушания по контингенту...

Е.Б. МИЗУЛИНА

В Госдуме они прошли, не в Совете Федерации. Совет Федерации как раз...

Э.Ю. ЖГУТОВА

Да, в Госдуме.

Но, поскольку в обсуждении принимали участие сенаторы... В том числе Зинаида Федоровна Драгункина участвовала, и, насколько я понимаю, она ратует за принятие этого закона. Она говорила в своей речи... Кстати, вот Ваша цитата...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это ее личная точка зрения.

Э.Ю. ЖГУТОВА

Я понимаю. Нет, секундочку... Мы привели и Вашу цитату, что Вы, выступая против введения этой системы, сказали, что трудно не согласиться с родительской общественностью, восставшей против этого закона, на что Зинаида Федоровна Драгункина возразила: "Не знаю, о какой родительской общественности идет речь. Перед тем как внести законопроект, вместе с министерством образования и министерством связи был проведен всесторонний опрос родителей, учащихся, учителей. Привожу цифры: порядка 81 процента этой категории поддерживает этот законопроект". Так что вряд ли это можно отнести к ее частному мнению.

Конечно, у нас сразу возник законный и логичный вопрос, и мы обратились к Валентине Ивановне Матвиенко, поскольку, видимо, формировалось это мнение где-то здесь, в недрах Совета Федерации. Наш запрос заключался в следующем. Мы хотели бы, поскольку Зинаида Федоровна еще отметила, что, собственно говоря, в тех данных, которые будут учитываться, нет ничего тайного, это абсолютно не нарушает статью Конституции, потому что все эти данные и так известны, куда дети ходят, сколько им лет и так далее, они просто будут собраны в одном месте и... Поэтому в логике ее рассуждений мы сказали, что мы хотели бы видеть адреса, фамилии, отчества тех родителей (тот 81 процент), которые поддержали этот законопроект. По-моему, абсолютно справедливое требование.

На это требование мы не получили ответа в течение месяца. Управление организационного обеспечения сообщило нам, что наше обращение отправлено в Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре. Когда мы отправили жалобу на то, что по истечении срока в 30 дней ничего не получено, вот ровно под копирку получили ответ, что еще раз оно отправлено туда же. Отличается только датой и только номером, абсолютно одинаковые ответы. Что делать дальше, я не знаю. Может быть, Вы нам что-то посоветуете.

Я сегодня хотела встревожиться по поводу московского регламента, который обсуждался на площадке московской общественной палаты 2 марта. Я коротко говорила об этом 3 марта здесь же, но не было возможности остановиться более подробно. Меня, конечно, больше всего поражает принцип, на котором устанавливается такой регламент. Регламент называется (сейчас точно зачитаю): "Регламент отобрания детей из семей при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью или в случае жестокого обращения с ребенком".

То есть на московской площадке, московского правительства обсуждается регламент отобрания ребенка в случае жестокого обращения с ним. То есть при непосредственной угрозе есть статья 77, но, дескать, она сейчас плохо работает, вот мы услышали критику на уровне Президента... И сейчас все стали думать, как бы усовершенствовать законодательство. И в связи с этим был организован такой "круглый стол" специалистов департамента соцзащиты, уполномоченного по Москве, и обсуждался этот регламент.

Во-первых, уже в самом названии этого документа содержится странный посыл, то есть получается, что ребенка можно отобрать и в случае жесткого обращения с ним (далее, кстати, в тексте документа понятие расширяется) или нахождения в социально опасном положении. Что такое социально опасное положение – мы прекрасно знаем.

Я на прошлом заседании как раз показывала сюжет, когда мать "находилась" (в кавычках) в социально опасном положении, потому что она жила в 18 метрах со своими шестью детьми, не могла их обеспечить всем необходимым, поэтому она попала в социально опасное положение. То есть она уже кандидат на попадание под действие этого регламента.

Известна форма оценки риска пребывания ребенка в семье. Если у вас в семье два ребенка младше трех лет, вы уже автоматически попадаете в некую группу риска по социально опасному положению. Вы уже набираете некоторые баллы (по-моему, четыре) и дальше по шкале приближаетесь к той отметке, которая может стать для вас уже и фатальной.

Что такое жестокое обращение? Предполагается, что угроза жизни и здоровью и в случае жестокого обращения. В каком месте у нас?.. У нас статья 77 четко говорит о непосредственной угрозе жизни и здоровью, а сейчас разрабатывается регламент о применении жестокого обращения.

Жестокое обращение с ребенком по определению наших двух коренных фондов (они сегодня уже упоминались) – Национального фонда защиты детей от жестокого обращения и Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (я уже просто даже не напрягаюсь, они у нас определяют, я считаю, всю проювенальную политику)... Титульное определение одного из этих фондов звучит так: жестокое обращение с ребенком – это все формы физического, психического,

сексуального насилия, пренебрежение потребностями ребенка со стороны его родителей или иных законных представителей, которые проявляются в форме активных действий (бездействия), приводящих или способных привести к ущербу для здоровья, развития или достоинства ребенка. Таким образом, согласно проекту регламента ребенок может быть отобран за бездействие родителей или законных представителей, могущее привести к ущербу достоинства ребенка.

Предлагались две принципиальные схемы. Схема ночного отобрания полностью повторяет имеющуюся схему на сегодняшний день, только вводится консилиум, который после отобрания ребенка будет решать, возвращать ребенка или нет, и в случае незаконного отобрания его просто вернуть. А если родителям что-то не нравится, они могут пойти в суд. Мы знаем, чем заканчиваются все эти походы, – ничем. Даже по статье 286 мы еще ни одного сотрудника не привлекли, даже на какие-то 80 тыс. рублей штрафа.

По дневной схеме предлагается отработать статью 77, я так понимаю, совершенствовать, что при поступлении сигнала через 15 минут сигнал должен поступить в тот отдел опеки, который этим занимается (я еще раз говорю, это по Москве, значит, окружной). Окружной должен в течение часа вызвать наряд полиции. Наряд полиции вместе с опекой должен приехать по месту, и там они будут формировать решение. То есть не согласно статье 77 они должны приехать с готовым решением органа исполнительной власти субъекта Федерации, с постановлением, а они будут формировать это решение на месте.

Собственно говоря, у меня вопрос: почему на сегодняшний день на площадке московского правительства обсуждается антизаконный регламент, противоречащий законодательству, противоречащий Семейному кодексу и так далее, вместо того чтобы принять какие-то меры, не утверждающие это беззаконие, а, скажем так, нивелирующие это беззаконие? Вот и всё. У меня вопрос.

Я думаю, что следующий докладчик, Алла Зауровна, как раз что-то пояснит. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Элина Юрьевна.

Очень большая просьба соблюдать регламент, потому что у нас есть люди из других городов, они просто не успеют.

Слово предоставляется Дзугаевой Алле Зауровне, заместителю руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы.

Приготовиться Шишовой Татьяне Львовне. Потом – Барсуков, затем – Бухтина.

А.З. ДЗУГАЕВА

Спасибо, Елена Борисовна.

Уважаемые коллеги! Мне хотелось бы буквально несколько слов в рамках сегодняшнего обсуждения сказать по ряду вопросов.

Первый (конечно, это главный, базовый) – прежде всего это совершенствование нашего Семейного кодекса Российской Федерации, который по многим сегодня обсуждавшимся вопросам, по сути, с 1968 года остался неизменным. И та редакция... тот Семейный кодекс, который был принят и действует сейчас, 1995 года, тоже очень многие вещи не изменил ни концептуально, ни содержательно для эффективности его правоприменительной практики.

Прежде всего, я хочу сказать о самом понятии органов опеки и попечительства и о том, что по существу под этим понятием понимается некая структура, которая никаким образом на федеральном уровне не регламентирована, и по существу в масштабе страны это, как правило, в лучшем случае несколько специалистов, а зачастую один специалист по опеке и попечительству или по охране прав детей (по-разному они даже и называются, хотя совсем недавно создан профессиональный стандарт специалиста по опеке и попечительству). Эта категория нигде не обучается, не переобучается, то есть это абсолютные прерогатива и желание (нежелание) конкретного субъекта, который ведет эти вопросы. И, по сути, единственная рекомендация, которая на федеральном уровне в последнее время была дана, – это протокол заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, замечу, от 18 декабря 2014 года, где рекомендовано (но только рекомендовано) высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации довести число специалистов органов опеки до одной штатной единицы, но не более чем на 1800 детей на территории данного субъекта.

Таким образом, собственно говоря, те люди, которые призваны осуществлять функцию защиты прав и законных интересов детей, помогая в реализации этой функции, и в том числе, кстати, родителям прежде всего... эта категория специалистов абсолютно четко не установлена и законодательно, нормативно не отрегулирована. И отсюда, по моему мнению, очень много вопросов, которые возникают на практике при реализации тех или иных норм Семейного кодекса, норм Гражданского кодекса и других законодательных актов. Не изменил ситуацию и Федеральный закон "Об опеке и попечительстве" 2008 года. Поэтому сегодня только у нас установлено, что, да, это органы опеки и попечительства осуществляют свои функции либо в рамках муниципальных органов, либо субъекта Российской Федерации, и на этом все, дальше – тишина. Хотя на самом деле эти вещи должны однозначно быть урегулированы на федеральном уровне, учитывая то, что фактически

работа органа опеки и попечительства делится, я бы сказала, на две составляющие. Первая – это вынесение решений (причем правоустанавливающих актов) о назначении опекуна, а в 30 процентах из 100 это бывают спорные вопросы, которые требуют обсуждения, которые требуют представления различной доказательственной базы о том, кому передать ребенка под опеку, это вопросы отчуждения имущества ребенка, защиты личных неимущественных прав, в том числе права на имя, не говоря уже о спорах, связанных с воспитанием детей. То есть первая часть – такая правоустанавливающая, очень важная, которая очень часто требует состязательности процесса. И вторая часть работы специалистов по опеке и попечительству органа опеки – это работа профессионалов, это дача заключений практически по всем вопросам детско-родительских отношений. И, по сути, здесь опять же один или два специалиста по опеке, которые должны сделать компетентное, квалифицированное заключение, на основе которого суд (как правило, суд) примет то или иное решение.

Таким образом, я хочу сказать, что сегодня назрела и перезрела необходимость в том, чтобы кардинально изменить систему работы и организации органа опеки и попечительства как такового. И возможно (как предложение) разделить эти функции, эти полномочия. Все вопросы, относящиеся к правоустанавливающим, должны быть отнесены к компетенции суда как органа, который может действительно квалифицированно рассмотреть и оценить всю ситуацию в комплексе. А все профессиональные вопросы должны быть отнесены к специализированным центрам, учреждениям, которые включают в себя педагогов, юристов, которые включают в себя психологов, заметьте, специалистов, то есть профессиональных психологов, а не тех людей, которые могут по найму дать то или иное заключение, возможно, лицензированных или каким-то образом аккредитованных для этого. Потому что сегодня у нас психологи все получают образование, но все вы прекрасно знаете, что к одному психологу стоит очередь и невозможно попасть к нему, а другой психолог приходит – и ты видишь, что он абсолютно профессионально несостоятелен. Значит, и здесь должна быть какая-то оценка.

Таким образом, без реформирования и изменения системы, самой системы органов опеки и попечительства, очень трудно проводить эффективно политику и реализовывать те нормы материального права, которые заложены у нас сегодня в Семейном кодексе и всех других законодательных актах, связанных с защитой прав и законных интересов детей. Поэтому мне представляется, что сейчас при подготовке поправок в Семейный кодекс, в другие акты необходимо этот вопрос обязательно считать приоритетным.

И буквально несколько слов о том, что сегодня в Москве мы стремимся все-таки сделать так, чтобы работа с семьей строилась прежде всего исходя из того, чтобы сохранить ребенка в его кровной семье, а если это никак невозможно, только в качестве крайней меры рассматривать отобрание ребенка из семьи и делать это минимальным образом.

Я хочу обратить ваше внимание, что сегодня в Москве почти 2 миллиона детского населения (1 800 тысяч), и за прошлый год – только 25 случаев отобрания детей из семей. 25 всего! При этом я хочу еще раз обратить внимание (и Элина Юрьевна это знает, и я уже говорила об этом), что сегодня действуют нормы, которые должны быть изменены, которые позволяют (это статьи 13 и 21 закона № 120, и сегодня коллеги уже говорили, я не буду на этом останавливаться) производить не отобрание, а изъятие, в том числе и в ночное время. Это сегодняшняя реально действующая практика, основанная на законе, это не какой-то беспредел. И вот эти статьи, которые позволяют признать ребенка безнадзорным и изъять его в том числе из семьи и признать ребенка находящимся в социально опасном положении, и также его поместить в специализированное учреждение, – это правоприменительная практика, которая сегодня действует на территории всей страны.

И мы сегодня в Москве действительно делаем попытки... Очень долго идет работа, очень затянулась работа с изменением статьи 77 по отобранию ребенка. Она действительно не прописана детально и, к сожалению, позволяет иметь вот такой волюнтаризм на местах, когда специалисту (а я вам уже говорила, кто эти специалисты – это люди, которые пришли в опеку, очень часто не имея определенного необходимого образования и опыта работы) трудно понять и определить, есть ли угроза жизни и здоровью, или жизни, или здоровью ребенка, действительно ли ситуация вышла из берегов или можно сохранить ребенка в семье. Поэтому и задача, и цель наши сегодня, и нашего департамента, в том, чтобы все-таки, пока идет работа над федеральным законодательством, попытаться посмотреть и сделать определенный алгоритм работы, который позволял бы исключить случаи необоснованного изъятия ребенка из семьи.

А то, о чем говорила Элина Юрьевна (попытки создать регламент или порядок), – это то, что мы как раз сегодня делаем, предлагаем сообществу, общественности, родительскому сообществу, для того чтобы найти, нащупать тот правильный путь в работе с семьей и с отобранием ребенка как исключительными случаями, крайней мерой, который сегодня позволит прежде всего защитить ребенка и защитить родителей. Я хочу сказать, что сегодня мы только в самых исключительных случаях можем так или иначе санкционировать отобрание ребенка из семьи – если это безусловная ситуация, при которой действительно есть угроза жизни или здоровью ребенка. И ввели для этого специальный консилиум, где учитываем в том числе и помощь, и мнения общественных организаций,

которые стараются в этом также помочь, участвовать и быть арбитрами и такими объективными участниками этого процесса. Спасибо, коллеги.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Алла Зауровна, спасибо большое.

Действительно, давайте посмотрим, когда текст можно будет для публичного обсуждения законопроекта посмотреть у вас.

Но хочу обратить ваше внимание... Хорошо, консилиум с участием представителей родительских организаций... Мы в прошлый раз на парламентских слушаниях как раз обсуждали, что, может быть, убрать институт отобрания в том виде, в каком он у нас сейчас есть, вообще из Семейного кодекса, а предусмотреть возможность устройства. Потому что нынешний институт отобрания... В момент незамедлительного отобрания нужно одновременно решить вопрос о том, что обязательно пойдет иск в суд в отношении родителей. Невозможно решить одно и другое. Соответственно, речь идет об устройстве ребенка, который с очевидностью находится в условиях, в которых он сейчас не должен находиться. А это, может быть, временная, разовая ситуация. Поэтому отобрание не работает в том виде, как... Оно избыточно уже изначально, по природе.

Но та практика, которая у вас хорошая, – вот эти консилиумы с участием общественных организаций... Обратите внимание, что это за общественные организации. Это все-таки должны быть представители родительской организации, с которой вы сотрудничаете. Потому что если это, например...

Вот мы говорили с Владимиром Аршаковичем, он говорит: "У вас есть замечательная общественная организация приемных родителей". Ни в коем случае при отобрании из семьи или при решении вопроса о переустройстве представители этих организаций... как представляющие родителей. Потому что давайте говорить откровенно: надо исключить момент (он есть), ну, некоторого интереса со стороны приемной семьи, которая заинтересована в том, чтобы были такие дети, которые к ним же придут. Надо здесь вот эти моменты исключать, даже хотя бы подозрения. Тем более что у вас есть сильные родительские организации на территории Москвы, и, насколько я могу судить по их откликам, именно у вас вырабатываются очень хорошие способы. И мало (действительно, и вы даете эту статистику) все-таки ситуаций, где решается как-то волонтаристски, применительно к Москве этого практически нет.

Даже с той же Светланой Дель (да, это не кровные, но там и кровные, и приемные дети) тоже решалось с участием родительских организаций. И вы видели, насколько все-таки был избран вариант, учитывающий всё. И, на мой взгляд, здесь всё по совести, по справедливости.

А.З. ДЗУГАЕВА

Елена Борисовна, и, пытаясь разработать какие-то документы, мы, естественно, стараемся использовать и учитывать мнения и специалистов, и родительской общественности, и некоммерческих организаций, которые имеют опыт работы, для того чтобы сделать максимально оптимальным документ и исключить те или иные, скажем так, крайности и оценочность в этом, безусловно, с конфиденциальностью и сохранением вопроса о персональных данных в отношении тех людей, которые в процессе консилиума, в частности, участвуют.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Алла Зауровна, я записала Ваши предложения и по опеке, и по закону. Мы уже давно это обсуждали. Действительно, в 2008 году закон № 48 должен был быть законом об органах опеки и попечительства (он так назывался, когда его проект был внесен в Госдуму), а потом он превратился в совершенно другое.

Вы, может быть, в письменном виде предложите нам, как Вы видите эти пункты рекомендаций? Мы их включим. Хорошо?

А.З. ДЗУГАЕВА

Хорошо, да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Шишовой Татьяне Львовне, члену правления Российского детского фонда, члену союза писателей. Тема – "Роль родительского авторитета в детско-родительских отношениях".

Приготовиться Барсукову Олегу Васильевичу, потом – Бухтиной.

Очень прошу по времени... Ладно? Может, даже сокращать... Очень много еще желающих, и надо всех выслушать, всё важно.

Т.Л. ШИШОВА

Спасибо за предоставленное слово.

Без родительского авторитета нет воспитания. Вот это очень важно понимать. В последнее время эти ювенальные технологии пытаются расшатать и подрвать родительский авторитет, ну и, соответственно, в принципе воспитание. Провозглашаются всякие принципы недирективной педагогики, партнерских отношений с ребенком и так далее.

Прежде всего, я хочу сказать, что очень важно, чтобы в концепцию родительско-детских отношений в Семейном кодексе эти вредоносные веяния не проникли. Если без родительского

авторитета... Кого мы не уважаем – того мы не слушаем и не собираемся, так сказать, исполнять то, что говорит этот человек, и воспитания нет.

Тормозится развитие ребенка, расшатывается его психика и не прививаются нравственные ценности. То есть фактически подрывается и семейная жизнь, и государственная жизнь, потому что потом эти дети (мы видим, уже говорили об этом) выходят и начинают требовать каких-то изменений в государстве, то есть устраивают бунты, если называть вещи своими именами.

И почему ювенальная юстиция подрывает родительский авторитет? Здесь много говорилось о разных "заходах" по поводу жестокого обращения с ребенком, как родители прессуются, наказываются и так далее. Под жестокое обращение подводится буквально все. И недаром так называемый закон о шлепках, который с большим трудом вопреки требованиям Совета Европы и прочих гуманистических организаций удалось все-таки отменить, сразу окрестили законом о запрете воспитания. Вот, кстати, в свете нынешних событий с Навальным понятно теперь, зачем проводилась эта поправка, – чтобы родители не могли влиять на детей, получали бы два года, а чужой человек, то есть тот же подросток, ударивший полицейского или еще кого-то, не нес бы никакой ответственности за это. Так что все это, конечно, очень тесно увязано с политикой.

И поэтому я бы хотела остановиться как раз на таком важном вопросе: а почему же так Совет Европы озабочен запретом телесных наказаний? Причем хочу обратить ваше внимание, что под телесным наказанием понимается любое физическое воздействие на ребенка, включая даже самый легкий шлепок, толчок, удерживание и так далее. Разговоры о том, что дети и родители – равноправные члены отношений, – это просто миф, потому что, если они равноправны, значит, они имеют одинаковые обязанности и одинаковые права. Мы прекрасно видим, что родители имеют очень много обязанностей, в том числе государство с них требует, а у детей таких обязанностей нет и быть не может. Но в традиционной системе, которую сейчас пытаются разрушить определенные силы с Запада, подрывается основная обязанность ребенка, которая заключается в том, чтобы уважать и слушаться родителей. Вот родители о нем заботятся – это их обязанность, а его обязанность – слушаться и почитать родителей (собственно, это даже в заповеди есть).

Так вот, очень интересно посмотреть недавнюю историю и понять, кто же начал продвигать идею о запрете телесных наказаний. Дело в том, что телесные наказания существовали, как правильно сказал отец Димитрий, веками, тысячелетиями у самых разных народов, и разговоры о том, что они делали всех несчастными и жестокими, абсолютно несостоятельны, потому что иначе история человечества развивалась бы совершенно иначе.

Так вот, оказывается, начало движения за запрет телесных наказаний тесно связано с началом организованного движения за права ребенка в Великобритании (это 70-е годы). А среди основоположников этого движения отнюдь не последнюю роль играла организация педофилов, она так и называлась тогда – "Обмен информацией по педофилии". Она была основана в 1974 году, просуществовала до 1982 года, когда ее запретили. Вот в этот период все было очень откровенно, педофилы пользовались открытой поддержкой определенных, в первую очередь левых, сил. В том числе тогда была такая весьма уважаемая левая организация – Национальный совет по гражданским свободам (мне кажется, это очень напоминает названия некоторых нынешних организаций), и они действовали абсолютно открыто и прямо заявляли, что, как правило, соблазнитель детей относится к ребенку с нежностью и привязанностью, их надо уважать и так далее. Потом эту организацию запретили, но активисты перекочевали в другие сферы и начали очень сильно добиваться запрета телесных наказаний. Были созданы уже международные организации, и активисты, связанные с этим движением за права педофилов, перекочевали туда.

Кстати, в Англии и Америке телесные наказания не запрещены, телесные наказания в семье, и даже не только в семье. И это тоже очень важно. Почему? Я коротко, но постараюсь все-таки об этом сказать.

Дело в том, что американская политика последних десятилетий как раз направлена (официально это Стратегия национальной безопасности США) на то, что они неправомерно широко трактуют национальные интересы США. Любое государство, которое проводит суверенную политику, рассматривается ими как угроза, которая должна быть устранена любыми способами. Это гласит Стратегия национальной безопасности США 2002 года. И была взята на вооружение идея разрушения традиционной государственности и морали. Мы сейчас видим, как американская верхушка сосредоточена на продвижении прав секс-меньшинств по всему миру. Вот бывший вице-президент Джо Байден летом 2014 года заявил, что страны, где не укрепляют права ЛГБТ... Мы помним (и Елена Борисовна это, наверное, хорошо помнит), как прессовали наше государство, чтобы мы тут не вводили запрет на гей-пропаганду среди подростков. Так вот, он заявил, что эти страны должны будут заплатить цену за бесчеловечность (это уже идея приравнивания вот этого к преступлениям против человечности), и заявил, что защита прав сексуальных меньшинств должна быть выше национальных культур и социальных традиций.

Совершенно очевидно, что запрет родительского авторитета, запрет наказаний в нынешней ситуации, естественно, приводит к распространению всех этих и извращений, и противоправного поведения детей и подростков. На Украине, где после первого майдана, в 2004 году были

официально, законодательно запрещены телесные наказания в семье, вот выросло поколение, которое устроило второй майдан, и результаты мы видели. Поэтому я думаю, что обязательно надо вносить в Семейный кодекс какую-то поправку о том, что родители имеют право осуществлять воспитание по своему усмотрению. И вопрос о запрете телесных наказаний вообще не должен звучать в нашей стране. Если для этого надо выходить из каких-то конвенций... Конвенция по правам ребенка этого не требует. А какие-то протоколы, которые определенные люди принимают... ну, люди есть люди. Если какие-то конвенции мешают нашей стране жить и с этим никак нельзя справиться, значит, надо выходить из этих конвенций. Я думаю, что подавляющее большинство нашего населения это поддержит. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Татьяна Львовна.

Мне только что пришло письмо, и я хотела бы его зачитать, потому что мы здесь много говорили о приемных семьях, о кровных семьях. Но ведь применительно к приемным и кровным в сравнении говорили именно в том смысле, что не должно быть какого-то перевеса, что кровная семья – как лучший вариант, как замещающая. На самом деле у нас очень многие приемные семьи хорошие, добросовестные и делают очень большое дело. Это правда. И здесь никто из нас, и даже те, кто говорит где-то об избыточности, этого не отрицает.

Вот приемная семья Воскресенского района... не одна, а несколько приемных семей прислали мне письмо. Ольга Александровна, для Вас это тоже важно, посмотрите на реалии нашей жизни.

Текст письма приемным семьям по Воскресенскому муниципальному району Московской области (разослан Управлением опеки и попечительства Министерства образования Московской области 22 марта 2017 года), пункт 7: "Приемным родителям зарегистрироваться в социальной сети Instagram с целью размещения позитивной, положительной информации об успехах в воспитании приемных детей, достижениях приемных детей, организации полезного и познавательного досуга приемных детей в семье. Срок – до 1 мая 2017 года".

А что если не регистрируются? Детей будут отбирать? *(Оживление в зале.)* И почему в Instagram, а не в "Одноклассниках"? А если нет смартфона или нет Интернета? А вы еще попробуйте выйдете, кто работает с Интернетом... Если вы хотите что-то там оплатить, куда-то выйти, мало того что он может зависнуть, у вас не открывается... И будешь сидеть, никак не можешь доделать, это все висит. Это вообще такое интернет-рабство! И что это предлагается приемным семьям? Что это за дополнительная нагрузка?

Вот вам, пожалуйста, отношение: давайте берите, мы вас поддерживаем... И с другой стороны начинаются такого рода требования, ни на чем не основанные. Зачем эта показуха? Что, это открыто – как живет эта приемная семья? Зачем это делать?

Здесь же тоже должен быть определенный момент доверия. Это вот наши реалии, мы не можем их не учитывать. Вот опять надо сейчас в это влезать и разбираться, что это за... Кому это в голову пришло? Зачем это надо? От чего защищаются?.. Опять чиновники, чтобы защититься, показухой занялись? Зачем? Это только во вред.

Да, Ольга Александровна. *(Оживление в зале.)*

О.А. ХАЗОВА

Елена Борисовна, Вы как-то ко мне апеллировали, но я об этом узнала точно так же, как и Вы, – только сию секунду.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, я просто обращаю внимание на реалии. У нас таких... Мы не можем с этим не считаться.

О.А. ХАЗОВА

Но у нас, к сожалению, абсурдных и, мягко выражаясь, крайне неумных ситуаций очень много, достаточно даже обратиться к тем примерам, которые здесь сегодня были приведены. Но это на самом деле, собственно, к приемной семье не имеет никакого отношения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ко всем приемным в Воскресенском муниципальном районе имеет прямое отношение.

О.А. ХАЗОВА

К вопросу о приемной семье это не имеет...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Что еще придумают, возложат – я не знаю.

О.А. ХАЗОВА

Ну, вот надо следить за этим, чтобы не придумывали.

Е.Б. МИЗУЛИНА

То есть Вы...

О.А. ХАЗОВА

Нет, мы же слишком мало знаем. В принципе возможно делиться опытом, позитивным опытом. Почему нет?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так это добровольно...

О.А. ХАЗОВА

Правильно, но нужно, чтобы это было добровольно, чтобы это не обязательно нужно было в Instagram и так далее.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно. Это добровольно: захотят – поделятся, не захотят – нет. Потому что ну что это за обязательство? Ведь вы понимаете, какое отношение даже к приемной семье? Вы нам теперь обязаны. Вот вы взяли, мы вам платим, вы теперь обязаны делать то, что мы вам скажем. Но это же не такой подход, это же ошибочный подход. Это тоже семья. Да, она приемная, да, она получает в денежном выражении больше, например, чем кровная, но у нее и очень... Когда эта семья добросовестная (а это так), у нее более сложная (а в большинстве случаев это так, в подавляющем большинстве, уверена) задача, потому что надо наладить контакт с ребенком, который приходит в эту семью. И это все очень непросто, много рисков. И не случайно не все же ведь семьи берут, взвешивают эти риски. У кого-то это просто призвание, и спасибо, что они это делают. Но зачем же таким образом-то с ними поступать? Поэтому будем разбираться, выяснять, что это такое.

Я предоставляю слово Барсукову Олегу Васильевичу, члену Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, члену Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление".

Приготовиться Бухтиной Татьяне Петровне. Я правильно ударение делаю? Да.

Затем – Лекарева Вера Александровна.

Пожалуйста, Олег Васильевич.

О.В. БАРСУКОВ

Чтобы не задерживать всех, я присоединяюсь к тому, что сказано было Анной Викторовной. Я полностью разделяю ту обеспокоенность, которую высказала Мария Рачиевна по поводу детей, которых используют явно в чуждых детям целях. И я хотел только лишь пояснить, каким образом это делается. В нашей антиювенальной практике мы столкнулись с новым видом ювенальной юстиции, точнее, с новым видом отчуждения родителей от детей. Если мы хорошо знаем, что такое ювенальная юстиция, когда детей отбирают у родителей, вот просто физически берут и отбирают, или изымают (как угодно пускай они это называют), – это физическое отчуждение. А есть так называемое мягкое отчуждение, это я его пока так назвал и надеюсь, что люди прислушаются. Мягкое отчуждение заключается в оболванивании, сознательном понижении уровня культуры и образования с помощью системы межведомственного взаимодействия, в частности с помощью учреждений образования. Каким образом это делается? Здесь, в Совете Федерации, я увидел отчеты

министерств и ведомств о введении института медиации и психологов. Это в принципе родственные институты, психологи и медиаторы – это примерно одно и то же. Они это называют восстановительным правосудием для детей. И как бы изначально идея касается детей, совершивших преступления, а на деле это оказывается параллельной структурой, которая подменяет собой школьных педагогов и родителей. То есть с помощью системы так называемого восстановительного правосудия просто меняют родителей, начинают разбирать споры между педагогами и детьми, между родителями и детьми.

С помощью этой системы правосудия внедряются совершенно нетрадиционные методы воспитания, а именно классическое патриотическое воспитание заменяется возвращением какой-то идеи борьбы с коррупцией, которая, как вы знаете, в этих последних митингах детских прекрасно себя проявила. Дети, которые воспитаны только лишь на том, что они должны бороться с коррупцией, вышли на митинги, которые также были объявлены антикоррупционными. То есть детям, вместо того чтобы прививать какие-то положительные образы, еще прививают строго такие негативные образы, которые, в общем-то, не детям решать. Не дети должны бороться с коррупцией, с коррупцией должны бороться взрослые. А в итоге, когда это начинают внедрять в детские мозги неокрепшие, в детское сознание, в детские души, это приводит к тому, что дети превращаются в массу, которой легко манипулировать, минуя родителей, минуя педагогов.

Я, в общем, хотел обратить внимание, что нужно не только семейное законодательство менять в области родительско-детских отношений, но и также предусмотреть... это касается как раз законов об образовании. Нужно в первую очередь убрать ЕГЭ, который именно призван снижать планку образования и культуры у детей и делать из них вот эту бесформенную, послушную массу, и так далее (много других, я их перечислять не буду). Но самое главное – нужно категорически исключить возможность отчуждения родителей от детей.

Конкретные изменения в Семейный кодекс касаются возможности использования естественного права родителей на общение со своими детьми... Мы вместе с РВС уже составили конкретные тексты, мы их уже и опубликовали, и законодателям представим, для того чтобы дальше их продвигать. Все, спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Олег Васильевич.

Действительно, есть тоже и этот перекоп с патриотическим воспитанием. Хотя, конечно, антикоррупционное мировоззрение – это хорошо, но это ведь очень сложная сфера. И все юристы знают, что на юридических факультетах в рамках криминологии, в рамках уголовного права это одна

из самых сложных сфер. В наше время это были должностные преступления – взяточничество, сейчас это более широкое – борьба с коррупцией. Но это действительно кого надо обучать? Юристов, будущих судей, прокуроров, следователей, тех, кто будет работать в органах власти. Надо работать и в этом отношении формировать у будущих чиновников...

О.В. БАРСУКОВ

Разрешите, я поясню? Если уж бороться с коррупцией, то нужно в первую очередь выяснять ее причины, ее условия, идеологию, почему она возникает. А детям в мозги вливается просто: коррупция – это плохо, и всё.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Олег Васильевич, я Вам скажу, даже без всякой причины, чего, где... Есть государство – есть коррупция. Вопрос – в масштабах. Способно государство... Если масштабы такие, что она не разрушительна для государства, не представляет угрозы, то, соответственно, коррупция не страшна. А она – это спутник государственной власти и государства. Это неизбежно в каждом государстве. Вопрос, еще раз говорю, – в масштабах. А для этого... Самое лучшее: если есть у человека святые заповеди и он их придерживается, то он не будет брать эту взятку. То есть, может быть, это самый лучший способ формирования антикоррупционного мировоззрения. Вопрос не в том, что не надо это формировать, но нельзя патриотическое воспитание ребенка, что очень важно, подменять навязыванием антикоррупционной темы. Потому что это неизбежно... Тебе хорошо говорят про твою страну (а к ней можно относиться хорошо, когда ты ее любишь, героизируешь, обсуждаешь хорошие, добрые вещи) и одновременно ее обливают грязью. Это взрослому сложно разделить, а ребенку – тем более. И то, что сейчас это направление... И фактически ведь вы это и увидели. Спасибо, вы увидели, к вам обратились родители, прислали (и нам тоже прислали) информацию, какие баннеры висят в школах (давно, оказывается, висят), когда ребенок каждый день идет в школу, а там крупными буквами написано: "Нет коррупции!", "Борьба с коррупцией!"

В школе висят эти баннеры для формирования антикоррупционного воззрения. Поэтому он, естественно, как норму воспринимает, идет на митинг бороться с коррупцией. Но это действительно несерьезно – школьники снимают коррупционеров с должности. Красиво, конечно, но это перекладывание обязанностей государства на детей. Это совершенно несерьезно. Действительно, это опять абсурды нашего времени. Спасибо, что вы это увидели, но это тоже надо корректировать. Я сейчас подняла разные распоряжения Правительства (их много), есть действительно в федеральных образовательных стандартах... Но где бы получить эти тексты, посмотреть? Очень сложно все это добывать.

Слово предоставляется Бухтиной Татьяне Петровне, председателю Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов Волгоградской областной Думы. Тема – "О некоторых аспектах правового регулирования вопросов защиты прав ребенка в спорах родителей по определению его места жительства". Спасибо, что Вы к нам приехали.

Приготовиться Лекаревой.

Пожалуйста.

Т.П. БУХТИНА

Спасибо большое, Елена Борисовна, за предоставленную возможность.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Я, вообще, кандидат философских наук, поэтому на любую проблему смотрю в первую очередь с морально-этической точки зрения. И, если какие-то мои высказывания уважаемым правоведам покажутся слишком категоричными, я заранее прошу прощения.

На мой взгляд, одной из проблем, не решенных в российском законодательстве, является вопрос о том, с кем из родителей будет проживать ребенок и каков будет порядок осуществления родительских прав другим родителем до вынесения судом окончательного решения об определении места жительства ребенка.

Статья 24 Семейного кодекса говорит о том, что если при расторжении брака супруги не предъявляют суду соглашение о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети, и о порядке общения с ними, то суд обязан самостоятельно определить, с кем из родителей будут проживать эти дети. Однако порядок общения отдельно проживающего родителя с ребенком суд не определяет в этом же решении, так как этот вопрос является предметом другого искового заявления.

Вы знаете, я просто сейчас зашла в Интернет и посмотрела, сколько стоит нанять специалиста, который будет заниматься этим вопросом. Написано: от 25 тыс. рублей. Поверьте, есть семьи, для которых это непосильная задача. И тогда получается (есть такое выражение, прошу прощения у правоведа), что закон защищает каждого, кто может нанять себе хорошего адвоката. Если у одного из родителей есть финансовая возможность нанять хорошего адвоката, можно затягивать это дело до бесконечности, потому что нужно собирать материал, нужно доказывать.

Сразу скажу (есть пример такой)... Ко мне, как к депутату, обратилась призер Олимпийских игр, ребенку четыре года. В процессе развода муж приехал вместе с бабушкой и заявил, что сейчас заберет ребенка и увезет в одну из южных республик, и больше она его никогда не увидит. Что делать – не понятно. С деньгами у девушки тоже проблема, к сожалению. И устраивали ребенка в

санаторий, вводили в санатории карантин, потому что отец дежурил, чтобы забрать этого ребенка. То есть проблема существует.

И вот на сегодняшний день нередко до разрешения судом спора родителей о месте жительства ребенка один из родителей, с которым на момент спора проживает ребенок или который смог забрать его к себе до разрешения спора судом, умышленно ограничивает общение второго родителя с ним, препятствует их встречам и скрывает место нахождения ребенка. В соответствии с российским законодательством подобное поведение, которое можно фактически квалифицировать как похищение ребенка одним из родителей, не признается таковым, если ребенка увез один из родителей, не лишенный родительских прав или не ограниченный в них, без применения насилия и участия посторонних лиц. Соответственно, уголовное дело по данному факту не возбуждается. Поэтому абсолютно безнаказанным остается подобное поведение родителя, пресечь которое не вправе ни органы опеки и попечительства, ни органы внутренних дел. Поэтому действующим законодательством предусмотрена лишь административная ответственность родителей или иных законных представителей.

Я не буду долго говорить о том, что нарушаются права ребенка, что здесь есть возможность на образование, на получение медицинской помощи и так далее, да и просто психологическая травма наносится ребенку.

В связи с вышеизложенным предлагаем, что в случае наличия отягчающих обстоятельств, влекущих за собой нарушение прав ребенка на образование, медицинскую помощь, оздоровление, лечение, общение с родителями и родственниками, вследствие чего причиняется вред ребенку, приводящий к нарушению его прав и законных интересов, необходимо квалифицировать данные действия в рамках уголовного законодательства. Спасибо.

О.В. ЛЕТКОВА

Спорный вопрос.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Здесь у нас много спорных, Ольга Владимировна. *(Оживление в зале.)* В любом случае очень интересно.

Спасибо, Татьяна Петровна.

Слово предоставляется Лекаревой Вере Александровне, заместителю директора государственного бюджетного учреждения "Московский дом общественных связей".

Приготовиться Писареву Владимиру Николаевичу.

В.А. ЛЕКАРЕВА

Спасибо.

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Я буду говорить очень коротко, потому что мне понравилась позиция Ольги Владимировны по поддержке традиционных семейных ценностей. Хочу сказать, что она созвучна с позицией нашего Президента, который точно указал на важность сбережения семьи, молодежи как генофонда нации и сохранения нашего общего будущего.

Я только хочу обратить ваше внимание, уважаемые участники слушаний, что сейчас в мире идет борьба не за энергетические ресурсы, не за газ и нефть, а идет борьба за более важный стратегический материал – за человеческий капитал, за семью, которая является основным производителем человеческого капитала, и за детей, которые являются для нашей страны по крайней мере неприкосновенным стратегическим запасом. Потому что от того, как мы сэкономим наших детей, как мы укрепим кровную семью, которая не отторгала бы, не подвергала социальному отторжению своего ребенка, будет зависеть развитие будущего нашей страны.

Правильно, Елена Борисовна, Вы сказали, наши тысячелетние традиции должны лечь в основу, и нужно возвращаться к тем истокам, которые были. Кстати говоря, в 1910 году Россия была впереди всей Европы по социальному программированию и по социальному развитию. Еще Екатерина II, которая занялась проблемой сирот, назвала позорным промыслом, когда платили 5 рублей семье, которая призрела сироту и начала строить (современным языком) бизнес на пороках, то есть не сироту она растила должным образом, а укрепляла свое финансовое благополучие, что мы с вами сегодня чуть-чуть затронули – что очень много платных родителей, которые не выполняют должным образом свои родительские обязанности.

Хочу сказать, что федеральная власть сейчас делает все для того, чтобы укрепить российскую семью как основу. И нам с вами надо приложить максимум усилий, чтобы кровную семью поддержать на государственном уровне. Ведь поддержка кровной семьи обойдется в 10 раз дешевле, чем мы содержим приемную семью, строим наркоцентры, строим детские колонии и центры временного содержания изъятого ребенка.

Здесь прозвучал упрек, что Москва обсуждает регламент изъятия. Это вынужденная мера, это обсуждается. Я присутствовала на этом заседании и сказала, что оценочные суждения ни в коем случае не должны присутствовать при отобрании ребенка из семьи. Только в том случае, когда (правильно Ольга Владимировна сказала) грозит опасность жизни и здоровью ребенка. Но кто будет определять, что такое опасность? Кто этот третейский судья, который скажет: вот немедленно?.. Вот вчера забирали ребенка в Москве. Валяется пьяная мама без памяти, и полуторагодовалый ребенок

ползает. Что делать в этой ситуации? Законодатель нам пока не прописал конкретно механизм, порядок изъятия. Поэтому каждый регион, каждый субъект старается что-то здесь сделать в интересах ребенка в первую очередь.

Но, для того чтобы не было социального отторжения ребенка из кровной семьи, надо признать, что у нас очень много бедных семей с детьми. И бедные они не потому, что они плохие, а потому, что у нас зарплата, как сказала Голодец, на которую невозможно жить. У нас рабочие люди бедные. Поэтому поддержка кровной семьи на государственном уровне должна быть необходимой.

И в целях повышения эффективности укрепления российских семей и сбережения детей мы предлагаем здесь несколько пунктов. Я вам всё передам, чтобы не задерживать ваше внимание.

Но, Елена Борисовна, хочу обратить Ваше внимание вот на что (это в Ваших силах, Вы обладаете огромным авторитетом, с Вами считаются). У нас нет до сих пор профильного координатора на федеральном уровне, кто бы осуществлял эффективное межведомственное взаимодействие. Вы в своем выступлении так деликатно сказали, что есть ведомственные разногласия, а есть еще и конфликты. И поэтому межведомственные разборки пагубно влияют на всех. Должен быть координатор от государственной власти и должен быть регулятор от НКО и общественных организаций. Не надо бояться нас. Мы тоже в одну ногу идем и с Президентом, и с его приоритетными направлениями. Кстати говоря, 21 марта на заседании Госсовета Президент Владимир Путин четко обозначил 20 основных приоритетных направлений, где почти 12 посвящены детям, детям-инвалидам и с ограничениями здоровья.

Елена Борисовна, поставьте этот вопрос или в рекомендациях, или на заседании Совета Федерации. Правительство должно на федеральном уровне обозначить главного координатора. Мне бы виделось все-таки, чтобы это было министерство по делам женщин, семьи и молодежи или детское министерство, или, может быть, верховный комиссар, но он должен быть в исполнительной власти и сосредоточить в своих руках все нити, всё, что касается детей, семьи и молодежи.

Дальше. Мне кажется, что нужно создать комиссию, которая проанализировала бы, провела инвентаризацию всех актов отобрания детей у кровных семей, выявила нарушения (наверняка они там есть), возвратила незаконно отобранных детей в кровные семьи и наказала виновных. Потому что здесь действительно есть очень много злоупотреблений.

Дальше. На законодательной базе, на законодательной основе необходимо разработать примерное нормативное регулирование правовых отношений органов государственной власти и общественных организаций, и НКО. В правовом поле мы не знаем, как друг с другом обходиться, хотя идем вместе к одной цели.

Необходимо рассмотреть возможность создания сетевых кластеров. У нас есть основное направление, а в регионах работают кто во что горазд. Вот нам надо выработать единые требования для каждого участника процесса. И создание таких кластеров позволит интегрировать территориальные, региональные, городские и другие организации, с тем чтобы зонтичный метод применить, как Президент сказал, и охватить как можно большее количество детей и семей, нуждающихся в сопровождении. Кровную семью надо сопровождать. И государственная помощь – это не обязательно деньги. Устроить ребенка в спортивную секцию или обеспечить горячим обедом, купить ему форму и учебники – это тоже помощь. Поэтому из поля зрения кровную семью никак нельзя упускать.

И последнее. Учитывая подписанную Дмитрием Медведевым концепцию действий в интересах женщин (8 марта он подписал), Елена Борисовна, добейтесь, чтобы к 1 июня было все-таки учреждено детское министерство или министерство профессионального технического образования для рабочих специальностей (куда-то этих ребятишек надо девать, которые не могут учиться). Пусть будет такой подарок всем нам и всем женщинам, потому что женщина без ребенка... Как-то вот просится у нас, чтобы было еще одно распоряжение Правительства.

И, завершая, хочу сказать, что необходимо разработать первоочередные меры по поддержке кровной семьи, где нужно предусмотреть и возможность, механизм повышения доходов семей, имеющих детей. Сейчас (я могу ошибаться) около 20 миллионов семей, имеющих детей, находятся на грани бедности, так скажем. Поэтому сегодня могут в любую семью зайти и, если там будет каша без масла или в холодильнике не будет бананов, это уже будет поводом для изъятия ребенка. Вот здесь нужен мощный законодательный заслон, Елена Борисовна. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вера Александровна, спасибо. Много у Вас интересных предложений, созвучных с тем, что обсуждается и в родительском сообществе. Я очень рада, кстати, Вас видеть. Хорошо, что Вы снова на этом уровне и активно... Но, я Вам могу сказать, есть определенные моменты, связанные с Правительством. По изъятию мы всё уже проанализировали, весь механизм очевиден. Мы всё это представим. Начались презентации альтернативных докладов родительских организаций по практике изъятий. И, могу вам сказать, весь механизм создан ювенальной юстиции, только он у нас так не называется, он называется профилактикой социального сиротства, это же – профилактика семейного неблагополучия и это же – профилактика детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Это все одно, три в одном "флаконе". Поэтому вопрос сегодня – переформатировать то, о чем Вы говорили, помощь семьям, помощь семьям действительно. Вместо

того чтобы отбирать из-за того, что ремонт не сделан, легче дать ту недостающую сумму, которая позволит семье сделать этот косметический ремонт, и это будет гораздо дешевле. Здесь мы абсолютно с вами солидарны.

Что же касается Правительства, то я хочу обратить ваше внимание, что у нас принята Концепция государственной семейной политики (утверждена Правительством) и создан координационный совет во главе с вице-премьером. Но 2,5 года прошло с момента создания этого совета, и еще больше (уже три года) – с момента утверждения концепции, не сделано ничего. Координационный совет не заседал ни разу. Поэтому есть большие сомнения, что при Правительстве такого рода структура будет эффективной, то есть неинтересно, ну, заняты другим. Я не хочу здесь выяснять причины, просто фиксирую факт. Но мы с вами солидарны в том, что должна быть координация, должны быть действительно некоторые, хотя бы примерные, стандарты, касающиеся этой сферы, и должна быть системная поддержка семей, родителей, кровных семей в интересах детей, а вообще лучше – семьи и детей. Это действительно то, что у нас вместе. Вот это должно быть, а не на противопоставление... Это гораздо эффективнее, и это принимает наше общество, это людям понятно.

Спасибо Вам за предложения. Следите за нашим проектом рекомендаций.

Слово предоставляется Писареву Владимиру Николаевичу, руководителю Комитета Адвокатской палаты Ростовской области по взаимодействию с правозащитниками и правовому просвещению, руководителю центра международно-правовой защиты семьи "ДОКТОР ПРАВА" (Ростовская область). Тоже благодарим, что приехали. У нас сейчас коллеги из регионов.

Приготовиться Цыганову.

Пожалуйста.

В.Н. ПИСАРЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Елена Борисовна, спасибо за приглашение.

На самом деле тема очень актуальная. Я сразу хотел бы сказать... Знаете, есть хорошая поговорка: "Как корабль назовешь – так он и поплывет". Так вот я сейчас слышал из уст коллег фразу, что адвоката нанимают. На самом деле адвоката приглашают. Вот в тех ситуациях, когда адвоката нанимают, не всегда получаются те результаты, которые хочется получить. Ну, это к слову.

А если по сути, то я вам скажу так: реально детьми нужно заниматься. И, к сожалению, большинство проблем, о которых сейчас мы здесь говорили, ссылаясь на разные происки врагов, каких-то потусторонних сил... Всё гораздо проще и банальнее – просто мы сами, взрослые, родители,

упускаем тот момент, когда ребенок уходит просто-напросто из-под нашего контроля и, самое главное, теряет к нам доверие. Это самая тонкая грань. Это наши недоработки.

В нашей области реализуется проект (мы очень плотно сотрудничаем и с системой образования) "Адвокатура в школе". Я вам по примеру работы с образовательными организациями могу сказать: там очень много искренних, фанатичных людей, которые абсолютно искренне отдают душу и сердце детям. Но мы должны понимать, что система образования не может заменить родителей. Система образования дает знания, действительно содействует воспитанию, но ключевая ответственность за все, что будет сформировано у ребенка, лежит на нас, родителях. Это нужно понимать.

И я, безусловно, сторонник традиционных ценностей. Я сторонник обычной, нормальной семьи. Но при этом нужно понимать, что жизнь развивается, общество не стоит на месте, и не учитывать те реалии, которые есть, наверное, будет сложно. В действительности очень много примеров, когда женщины сами воспитывают ребенка. Скажу честно, мне не очень нравится термин "мать-одиночка" (это мое личное мнение), он как-то не очень уважительно по отношению к женщине формулирует ее статус. Но при всем том те нюансы или те нарушения, которые сегодня обсуждались, – это результат не плохого законодательства, это в первую очередь результат...

РЕПЛИКА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

В.Н. ПИСАРЕВ

Правильно. Это ситуация с личностью того, кто это исполняет.

На самом деле, Елена Борисовна, Вы золотую мысль высказали, что личный пример – самый замечательный. Недаром есть (кстати, возвращаясь опять к Англии) очень хорошая английская поговорка: "Не воспитывайте детей, они все равно вырастут похожими на вас. Воспитывайте себя". То есть все нужно начинать с самих себя.

Что же касается детей, которые вышли на площадь (я не считаю, что это правильно)... Мое личное мнение – это, безусловно, упущение родителей, это упущение системы образования и это упущение общества в том, что с детьми недостаточно эффективно занимаются в вопросах правового просвещения, даже не правового просвещения, а, я бы сказал, формирования навыка правозащитной культуры.

То есть это более глубокий составной элемент. Почему? Потому что он позволяет научить ребенка принимать правильные способы защиты, действия в своем интересе, когда действительно ребенок приобретает навыки, которые позволяют ему, действуя по определенному алгоритму, найти

ответ на тот или иной вопрос. Но все это эффективно работает только в том случае, когда есть доверие ребенка к родителям и к системе образования. Вот когда это все складывается – все замечательно.

Что же касается системы органов опеки, я вам скажу так: это тоже люди, и действительно, как все люди, они могут ошибаться, могут не ошибаться. Я сейчас, послушав, отошел от того выступления, которое готовил. Но, по моему мнению, одной важной проблемой действующего семейного законодательства, в частности кодекса, является отсутствие одной простой статьи – глоссария терминов. Для усвоения, понимания теми же детьми, если мы хотим воспитывать достойную смену людей, которые будут разбираться в базовых, простых правовых вещах, определение тех терминов, которые используются в Семейном кодексе, желательно сформулировать в одной статье. Я понимаю, ну нет в мире термина "семья", не существует. Его, наверное, сложно сформулировать. Я специально взял Семейный кодекс, почитал... В Семейном кодексе больше 100 раз используется термин "семья", больше 200 раз используется термин "брак", но в Семейном кодексе нет определения ни одного, ни другого. Возникает вопрос. Более того, фраза в Семейном кодексе, которая говорит о том, что признается брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, фактически допускает возможность существования иных браков. То есть вот эта неточность формулировки и дает ту коллизию, которая потом приводит к обращениям в Конституционный Суд, ну и дальнейшим процессам.

Поэтому одно предложение (безусловно, если законодатели сочтут это целесообразным) – ввести статью, которая содержала бы перечень всех понятий, которые используются, и их толкование, трактовку.

Второй момент очень важный – это, безусловно... Я тему заявлял – обеспечение гарантий уважения права ребенка на семейную жизнь. Но это право тесно связано с правом родителей. Знаете, в чем заключается проблема у родителей? Я с коллегами много занимаюсь оказанием бесплатной юридической помощи по урегулированию такого рода конфликтов. Мой вывод, как практика, сводится к одному... Знаете, в чем заключается проблема? Проблема заключается в том, что у родителей нет культуры диалога. Но этой культуры диалога нет с детства, то есть она не прививается по мере взросления. И, когда появляются дети, к сожалению, мы не в состоянии их слышать, их слушать. И в итоге то же самое происходит между супругами.

Сколько семей... давайте так, мужчин мне удалось уберечь от войн с женами только одним способом – приведением примеров из собственной практики. Большинство уходит в сторону от конфликта, и с ребенком все восстанавливается. Восстанавливаются отношения, по мере взросления ребенок однозначно поворачивается в сторону родителя, который агрессивно себя не ведет. Потому

что, безусловно, когда приставы пытаются что-то силой заставить сделать, это никогда не будет реализовано. Здесь необходимо согласие.

Еще инициатива, которую мы хотели сформулировать (я ее попытаюсь сформулировать), – это введение в Семейный кодекс обязательной нотариальной формы всех видов семейных соглашений, родительских. Объясню почему.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

В.Н. ПИСАРЕВ

Я же не говорю, что я прав. Я сейчас говорю про два вида соглашений.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Владимир Николаевич, у Вас просто времени нет. У нас еще четверо выступающих.

В.Н. ПИСАРЕВ

Хорошо. Подытоживаю. Вопрос все-таки нотариального удостоверения соглашений.

И еще один момент. Я бы попросил рассмотреть возможность или целесообразность разработки на федеральном уровне и введения в систему образования единой программы правового просвещения, формирования тех навыков правовой культуры, правозащитной, с которыми потом наши дети по мере взросления пойдут в жизнь. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Владимир Николаевич.

Слово предоставляется Цыганову Андрею Борисовичу, члену президиума Координационного совета патриотических сил Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Приготовиться Коваленину Александру Викторовичу.

Санкт-Петербург. Пожалуйста.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Здравствуйте, дамы и господа! Меня просили, как многодетного папу, высказаться по методам воспитания детей в семье, что допустимо, что недопустимо в российской традиции. Но я не могу отказать себе в удовольствии чуть-чуть прокомментировать реплику уважаемого эксперта ООН таким образом – репликой из "Снежной королевы" Евгения Шварца по поводу того, что детей надо как следует баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники. Это подтверждается очень большой практикой.

Мы в отличие от ООН ориентируемся на Стратегию национальной безопасности, пункт 43 которой относит к основным угрозам государственной и общественной безопасности в том числе

разрушение российских традиционных духовно-нравственных ценностей. А вот теперь, собственно, поговорим об этих ценностях.

Семья и школа – это два важнейших института, формирующих личность. Надо признать, что за последние 25 лет нашим западным "доброжелателям" удалось внедрить в массовое сознание и в нашу практику, в том числе законодательную, множество механизмов разрушения традиционного общества. Потому что и разрушение образования, из которого практически выкинули воспитательный компонент, и ювенальные технологии вроде запрета наказаний, поощрения стукачества посредством детских телефонов доверия, и попытка замены родителей в судах детскими адвокатами и психологами, и пропаганда вседозволенности, потребительства в СМИ и Интернете – все это на самом деле имеет одну-единственную цель: переформатирование общества, создание общества нового типа, превращение народа в потребителей, свободных индивидов, которыми легко манипулировать и которые точно не станут защищать свою страну.

На самом деле семья является, конечно, самой естественной и безопасной средой для формирования человека и гражданина. Все родители знают, что воспитать человека нравочениями невозможно. Маленькие дети воспитываются в первую очередь примером, и в первую очередь родительским примером, а также теми образами, которые мы предлагаем своим детям, читая им сказки, подбирая фильмы и книги. Если папа каждый вечер пьет пиво перед телевизором, а мама строит карьеру, то дети воспитываются Ксюшей Собчак, Дианой Шурыгиной и Марой Багдасарян. Вот мы, например, в своей семье отказались от телевизора после рождения третьего ребенка (сейчас у меня их шестеро) и ограничиваем детей в доступе к Интернету. Именно такое поведение вызывает осуждение у наших либералов, которые требуют не ограничивать "свободы" детей.

Еще очень важный момент – по поводу профилактики эгоизма и потребительства у детей. Так вот, лучшей профилактикой эгоизма является наличие братьев и сестер. Чем их больше в семье – тем больше шансов воспитать нормального человека. Сравните деток в детском саду, где, по сути дела, существует стая, и многодетную семью, которая является самостоятельным миром, где старшие воспитывают младших. Но вся политика СМИ и молодежная субкультура направлены на пропаганду эгоизма и малодетности или даже бездетности (движение childfree), где ребенок представляется как роскошь или даже обуза.

Следующий важный момент, если говорить о традиционных ценностях воспитания, – это, конечно, трудовое воспитание. Мы знаем, что в русской традиции, особенно в крестьянской традиции, дети с семи лет полноценно участвовали в трудовом процессе. А в русских деревнях, да и

не только в деревнях, в глубинке до недавних еще пор права у ребенка появлялись с того момента, когда он сам становился кормильцем, то есть начинал работать.

Наконец, очень важный момент (следующий такой пункт) – соблюдение границ. Сейчас принята эта западная модель стирания границ партнерских отношений с ребенком. Это совершенно недопустимо, потому что границы, конечно, должны быть, границы в том числе между поколениями. И, в частности, подростки в силу возрастных особенностей очень любят испытывать эти границы на прочность, делать что-то из чувства противоречия. И тут если у детей нет навыка послушания, авторитета родительской власти, который на самом деле считается важнейшей добродетелью для детей во всех мировых религиях (и, конечно же, в православии), то надо ждать беды. Не случайно именно такие дети с новыми гаджетами скачут на майданах и выходят на наше Марсово поле, Тверскую и так далее, становясь "пушечным мясом" для всяких деятелей.

Инноваторы от образования требуют введения законодательного запрета на физическое, и даже психологическое, насилие, которое трактуется очень широко – вплоть до запрета делать замечания и отказывать детям в деньгах на пиво. Плоды такой толерантности мы можем наблюдать, например, в Швеции, где мальчиков (пardon, за подробности) до подросткового возраста даже не обучают справлять малую нужду по-мужски, чтобы не нарушить его свободного выбора на тот случай, если он еще не определился со своим полом. И, разумеется, никакое воспитание не может обойтись без наказаний, в том числе и физических. Дети воспринимают это совершенно по-другому, чем взрослые, и, когда вырастают, обычно бывают благодарны родителям за то, что те удержали их от какого-то безобразия или опасности. Другое дело, что, конечно, наказывать нельзя в гневе, об этом учат святые отцы. Но именно против этого ожесточенно выступают всевозможные лоббисты антисемейных технологий, заинтересованные, как я уже говорил, в разрушении нашего общества.

Просто нет времени, поэтому я тогда, наверное...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы можете текст отдать полностью.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Да, я вам пришлю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А сейчас завершайте тогда. Очень интересно...

А.Б. ЦЫГАНОВ

Самое главное – нам понять, что, пока наше государство не поймет, что семья и ее суверенитет – это высшая ценность, мы, в общем, будем приближаться к пропасти. Пока, к

сожалению (и это показали в том числе сегодняшние слушания), такого понимания на уровне политической элиты не видно. Нам по-прежнему пытаются внедрять всевозможные родительские университеты, детские телефоны доверия и прочие формы нарушений суверенитета семьи по методичкам западных НКО.

И напоследок, если позволите, буквально в формате объявления... Вот очень понравилось мне выступление Марии Рачиевны. Мы, наша петербургская организация – Координационный совет патриотических сил Санкт-Петербурга и Ленинградской области, буквально сегодня подготовили законодательную инициативу о введении серьезной административной ответственности за подстрекательство к массовым беспорядкам, в том числе в Интернете. Действующий КоАП не предусматривает такой ответственности, то есть за несоблюдение порядка согласования митингов она есть, и она достаточно смешная, а вот за действия в Интернете она не предусмотрена. Поэтому мы предлагаем (я тоже это перешлю, Елена Борисовна, Вам)... Вот, пожалуйста, могу процитировать. Мы предлагаем внести в статью 20.2 Особенной части КоАП часть 2.1 следующего содержания: "Призывы к участию в несанкционированном собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании влекут наложение административного штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей". Если эта инициатива будет реализована, то есть шанс, что у Навальных и их пособников будет меньше доброхотов и желающих запускать их вражеские технологии. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) ...Надо посмотреть, как этот текст... Я не всё уловила на слух.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Мы всё пришлем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но я хотела бы заметить, Андрей Борисович: парламентские слушания, площадка парламентских слушаний, предполагают дискуссию, поэтому здесь могут звучать разные точки зрения, и нужно, чтобы звучали разные точки зрения.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Поэтому относительно того, что не было единства на сегодняшних парламентских слушаниях... Так а мы и не ставили такую цель. Важно, чтобы была действительно дискуссия.

Ольга Александровна, у Вас какая-то реплика, да? Пожалуйста.

И потом – Александр Викторович.

О.А. ХАЗОВА

Если можно, Елена Борисовна, по поводу... Спасибо большое.

Поскольку тут была некоторая отсылка ко мне, я хотела бы, во-первых, сказать, что я здесь выступала от своего собственного имени, а не от имени Комитета ООН по правам ребенка. Позиция Комитета ООН по правам ребенка выражена в заключительных замечаниях по результатам обсуждения доклада, в подготовке которого я не участвовала, это абсолютно было для меня конфиденциально в силу очень строгих этических правил, соблюдаемых комитетом.

Что касается запрета телесных наказаний, по поводу которых я высказывалась... Я полностью поддерживаю в этом отношении позицию Комитета, и это моя личная позиция. Я глубоко убеждена, что подзатыльники унижают ребенка, это абсолютно противоречит традиционным семейным ценностям, я вообще сомневаюсь, что это туда входит. Вы очень верно сказали, что ключевая позиция в воспитании ребенка – это воспитание примером. И мне кажется, что, если мы будем шлепать ребенка и давать ему подзатыльники, это будет очень плохой пример для наших детей. С детьми нужно разговаривать, и, таким образом, авторитет родительской власти будет очень и очень высок. Это опять алаверды на выступление Владимира Николаевича. С детьми нужно разговаривать, находить общий язык и договариваться, и тогда у нас будет действительно намного меньше проблем. И это совсем не про пиво и не про Интернет, то, что я говорила, а исключительно про шлепки, подзатыльники и достоинство ребенка, а дети очень хорошо всё понимают. Спасибо.

О.В. ЛЕТКОВА

Ольга Александровна, я хотела бы все-таки буквально на минуточку заметить, что мы с Вами основные противоречивые позиции представляем. Я считаю, что родители могут наказывать детей, но Вы путаете наказание и срывание, допустим, зла на детях.

Действительно, какие-то подзатыльники, может быть, какие-то щелбаны, обзывания, оскорбления – это не наказание! Наказание – это когда родители с любовью наказывают своих детей, не срывают на них свое зло, несостоятельность, не унижают их, а именно наказывают. Но они вправе применить свою физическую силу ради удержания детей от какого-то зла. Вот мы говорим об этом. Вы не видите этой разницы, но это на самом деле великая разница между тем, как наказывать, и тем, как унижать. Вы путаете, подменяете эти понятия. Это совершенно разные вещи.

Ребенок, который... В наших традициях, Вы говорите, нет этого. В наших традициях непоротый сын – это позор...

РЕПЛИКА

Бесчестие.

О.В. ЛЕТКОВА

...бесчестие родителей, потому что иногда дети должны узнать, что такое родительская власть. Это не только языком говорить... Потому что паритетные отношения не заставят ребенка почувствовать эту власть в трудной, критической какой-то ситуации. Но, если ребенок не знает рамок (а вот здесь родитель сам определяет, как поставить, какими методами, каким образом...), это несчастный человек, это несформированная личность. Я вам утверждаю это абсолютно точно. Когда ребенок понимает, что рядом с ним сильный взрослый, который может ему доходчиво объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, и держать его в рамках, он будет более счастлив, и он будет родителям благодарен.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Тогда ребенок будет просто знать, что родитель сможет его защитить.

О.В. ЛЕТКОВА

Конечно, конечно.

А.Б. ЦЫГАНОВ

И еще очень важный момент...

О.А. ХАЗОВА

Я с Вами полностью согласна: наказание должно существовать, и детей нужно в каких-то ситуациях держать в рамках. Но есть наказание и есть наказание, и ребенок это должен очень четко понимать. И я тем не менее по-прежнему считаю, что применять физическую силу... Может быть, бывают какие-то экстремальные ситуации, когда мы должны, так сказать, своей грудью преградить дорогу...

А.Б. ЦЫГАНОВ

А когда он в розетку лезет, простите, пожалуйста, нельзя применить физическую силу?

О.А. ХАЗОВА

Но все-таки мы с вами берем не какие-то абсолютно одиозные ситуации, а как систему. Как систему. Я глубоко в этом убеждена, я ничего не путаю, я очень хорошо дифференцирую наказание и наказание. И я должна вам сказать, что...

О.В. ЛЕТКОВА

Наказание и насилие.

О.А. ХАЗОВА

И насилие.

...мой сын – непоротый ребенок, он сейчас уже взрослый, и я очень довольна тем, каким он вырос и какие у меня с ним сложились отношения. Я с ним очень много сражалась жесточайшим образом.

О.В. ЛЕТКОВА

С детьми надо много говорить – в этом Вы правы. Но дети бывают разные, правильно? И ситуации разные.

О.А. ХАЗОВА

Правильно. Но тем не менее...

О.В. ЛЕТКОВА

Поэтому в законе записывать, что нельзя наказывать, – это не очень правильно.

О.А. ХАЗОВА

Это трудное бремя – быть родителем, это очень сложно.

С МЕСТА

Елена Борисовна, можно я буквально реплику Ольге Александровне?..

Ольга Александровна, Вы имеете в виду наказание как ограничение?

С МЕСТА

О! Замечательный вопрос. Я прошу прощения.

О.А. ХАЗОВА

Во-первых, о наказании выступала не я, а уважаемая Ольга Владимировна. Поэтому это вопрос к Ольге Владимировне.

С МЕСТА (та же)

Нет, я знаю, но я просто... Я имею в виду, в рамках это, да? Извините, пожалуйста.

О.А. ХАЗОВА

Наказанием может быть лишение ребенка, я не знаю (первое, что мне приходит в голову), конфет или десерта, или чего-то еще.

С МЕСТА (та же)

Ну, понятно. Ограничение просмотра...

О.А. ХАЗОВА

Хотя это тоже большой вопрос. Это надо обсуждать.

М.Р. МАМИКОНЯН

Это психологическое насилие над ним.

В.Н. ПИСАРЕВ

Можно адвокату одно слово сказать? Вы знаете, я вас очень внимательно слушал... Ведь на самом деле разницы в позициях нет. На самом деле мы сейчас говорим не о наказаниях. Я вам скажу откровенно: я спортсмен, меня никогда не наказывали, для меня слово отца было авторитетно. Я сейчас хочу сказать о другой вещи – что речь идет об ограничениях. Понимаете? То есть вы просто поменяете слово "наказание" на "ограничение", и все складывается абсолютно адекватно. И тогда...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да нет, Владимир Николаевич.

В.Н. ПИСАРЕВ

Почему нет?

Е.Б. МИЗУЛИНА

В методических инструкциях, которые раздаются, ограничение тоже рассматривается как форма психологического либо эмоционального насилия. В этом-то и вопрос: так что же тогда остается помимо всех этих видов насилия, для того чтобы родитель мог как-то воздействовать на ребенка, чтобы?..

В.Н. ПИСАРЕВ

Речь-то о нормативных документах идет типа закона "о шлепках".

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но, вы знаете, давайте прекратим, а то дискуссия будет бесконечной, и дадим возможность выступить буквально по две минуты оставшимся.

В.Н. ПИСАРЕВ

Давайте.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но я один вопрос задам тем, кто в аудитории. Скажите, пожалуйста, здесь есть те, кого родители наказывали физически, либо вы наказывали своих детей, либо вы кого-то знаете, кого физически наказывают? Я пытаюсь найти везде хотя бы кого-то в окружении, к кому применяли физическое насилие. Я сегодня таких людей не знаю.

С МЕСТА

Не насилие, а наказание. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, наказание, физическое наказание. Вот скажем так: физическое наказание.

С МЕСТА

Всех наказывают.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Всех? Это Вас наказывали.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Елена Борисовна, меня наказывали, и я благодарна, и низкий поклон...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы и Вы, да? Вот смотрите: раз, два, три, четыре. Хорошо. Всё, понятно. Потому что у нас большая семья, очень много там родственников. Никого не... Обходилось все без этого. Меня – никогда, я – никогда. И я вот выясняю – удавалось договариваться. Нет, наказания были, но не физические, а какое-то ограничение. Но у меня не было даже таких. Не было вообще.

ИЗ ЗАЛА

(Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Но дело в том, что Ольга Александровна специально разговаривала со специалистами – детскими психологами. Они говорят, что есть такие психопатические типы личности детей, которые на грани... как бы они нормальные. Вы наверняка их видели, они встречаются, когда в общественных местах ребенок носится как угорелый, ко всем подходит, весь такой без комплексов, все нормально, – остановить невозможно. Его остановить можно только применением некоторой жесткой силы родителями, то есть когда хлопок... или он его посадит, встряхнув, на место, потому что этот ребенок требует (и это даже рекомендуют) применения какого-то такого, я не знаю, насилия, наказания, ну, некоторого принуждения, воздействия на него. Потому что он привлекает к себе внимание, и привлекает с тем, чтобы его остановили взрослые. Как с этим считаться? Поэтому на самом деле дети действительно разные. Но если это ради ребенка, это не наносит ему вреда, то, наверное, это запрещать было бы родителям неправильно.

А.В. ШВАБАУЭР

Елена Борисовна, можно 30 секунд? *(Оживление в зале.)* Нельзя? Две цитаты. Просто только что сказали, что это якобы не наши традиции. Как это не наши традиции? У нас православная страна, в Священном Писании написано: "Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него" (это притча Соломона). И еще: "Не оставляй юношу без наказания: если накажешь его розгой, он не умрет; ты накажешь его розгой и спасешь душу его от преисподней". Мы что, умнее Бога? *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Коваленин Александр Викторович, председатель Новосибирского регионального отделения Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление".

Приготовиться Иванову Михаилу Владимировичу.

Остались Иванов, Бондаренко, и если будет Крылатова...

Т.А. КРЫЛАТОВА

Я добавлю после Михаила Владимировича.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потом, да.

Пожалуйста.

А.В. КОВАЛЕНИН

Уважаемые участники слушаний! Я напомню (в прошлом году уже рассказывал), что наша организация подготовила уже 14 законопроектов.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, знаем.

А.В. КОВАЛЕНИН

В прошлом году было 13, сейчас добавился законопроект о неприступности воспитательного принуждения – как раз то, что мы сейчас обсуждаем, и то, что на самом деле кажется уже даже несовременным обсуждать (год назад нужно было обсуждать вопрос о телесных наказаниях). Сейчас уже прошло столько дискуссий, и мы сами провели конференции, досконально разобрались в этих манипуляциях с понятием "насилие" и с тем, насколько само это предложение Совета Европы противоречит и демократической культуре, и педагогической культуре, и правовой культуре. Мы же не отказываемся от наказаний вообще, мы же не закрываем Уголовный кодекс. Почему только для родителей вдруг становится исключение? То есть этот вопрос, я считаю, уже неактуален, и мы сформулировали принцип невмешательства, порога невмешательства. И в Семейном кодексе (в статье 63) вместо странных фраз про то, что нельзя унижать и жестоко обращаться, нужно написать, что родители вправе выбирать метод воспитания, если он не наносит физического ущерба здоровью. Это связано не с тем, хорошо или плохо шлепать (это вопрос морали, а не права, и правом он регулироваться не должен), а с тем, что не может государственная машина расследовать ситуации в семье, которые неотличимы от бытового столкновения, от стычки, от простого синяка, от простого падения. Это слишком... Тоталитарная машина нужна для этого.

Дальше. Мне хотелось ответить на некоторые материалы и выступления и привести один пример, когда особенно важно родителям контролировать ситуацию.

Первое. Нам раздали материал Аналитического управления, который хоть и назван информационно-аналитическим, на самом деле содержит достаточно много субъективных и спорных предложений. Правильное утверждение, что экспертное и родительское сообщества сходятся во мнении, что органы опеки и попечительства имеют чрезмерное влияние на жизнь семьи, тут же сопровождается предложением по расширению влияния опеки на жизнь семьи. В конце идут манипуляции с цифрами опять по поводу насилия, в частности говорится о потерпевших от уголовных дел, которые не связаны с насилием, но сюда же, в контекст, вводятся. И кончается эта справка так: встречайте "Десятилетие детства". Наверное, Аналитическое управление уже видело эту программу, мы пока только знаем то, что она – продолжатель тех безобразий, которые сейчас у нас действуют.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, мы пока не видели программу.

А.В. КОВАЛЕНИН

Та реклама, которая шла уже в некоторых выступлениях, говорит, что это будет достойное продолжение Национальной стратегии действий в интересах детей. Подробнее, да, действительно, мы не знаем.

Дальше. К выступлению Аллы Зауровны (к сожалению, она ушла)... Она еще раз подтвердила, что действительно типичное, массовое явление – отобрание полицией по социально опасному положению. Но она забывает или не знает, что это незаконное отобрание, что закон № 120 не разрешает отбирать детей по такому основанию, там только одно основание – безнадзорность, а не социально опасное положение. Социально опасное положение по этому закону – только лишь повод для индивидуальной профилактической работы.

РЕПЛИКА

Но отбирают!

А.В. КОВАЛЕНИН

Отбирают, да. Поэтому мы ставим вопрос (и будем ставить его в докладе Президенту) о массовом беззаконии и будем исследовать вопрос в докладе, как организовано это массовое беззаконие. Но то, что даже высокопоставленные работники опеки не знают закона, – это факт, который подтвержден уже очень многими их выступлениями.

Теперь о проблеме родительско-детских отношений. Чем глубже ее понимаешь – тем больше хочется защитить принцип невмешательства в семью и, возникает парадокс, тем меньше нужно писать в правовом поле, потому что невмешательство и означает, что мало нужно прописывать, собственно, в кодексе. Прописывать нужно вопросы, когда семья взаимодействует с обществом. И тут нужно прописывать, кто представляет интересы семьи (и здесь мы предложили свои формулировки). И, конечно, не нужно прописывать очень подробно списки родительских прав. В этих списках всегда не хватает какого-нибудь простого права – вытереть нос ребенку, снять его с горшка... И это на самом деле актуально и страшно, потому что Запад уже формулирует правило "нижнего белья", по которому этого делать нельзя родителю. Мы предложили простой принцип, который необходимо и достаточно зафиксировать, – это принцип того, что основное родительское право – это право определять и представлять интересы ребенка. Это покрывает всё, все вопросы, связанные с местом жительства, правом на воспитание и так далее, которые так трудно решаются в статьях об отобрании (в статьях 69 и 73).

И, наконец, вопрос о том, что... В чем очень важно, чтобы родителей не отодвигали? Это вопрос школы. Бедный учитель в Архангельской области получает предложение за гранты, за деньги разработать программу по антикоррупционному воспитанию. Он реализует программу, конечно, он соблазняется, да он и подвоха не видит – что ж плохого в борьбе с коррупцией? Таким образом, мы видим, что из многих проблем выбрана именно та проблема, которая сейчас становится предметом "оранжевых" митингов, и это готовится заранее в разных областях через механизм грантов. Чем этот механизм отличается от коррупции по сути? Коррупция идеологическая – за деньги навязывают определенные методы. Мы выступаем за то, чтобы через школу не проводились такого рода кампании без согласия родительского собрания. Мы уже боролись с толерантностью, которую навязывали, теперь навязывают, наоборот, борьбу с коррупцией. Не должно быть, чтобы школа сама решала, это должны решать родители через родительское собрание. Всё.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Александр Викторович, это очень правильно. Но нам нужно сделать так, чтобы в школах родительские комитеты действительно были влиятельными, чтобы родителей не запугивали, не принуждали, такими, как, кстати, в школах Европы. Я знаю, в Брюсселе, например, да, родительский комитет авторитетный, да, с ним считаются, и действительно они очень многие вещи определяют. Мы знаем, что у нас, к сожалению, начинают родителей фактически (хотела применить термин "наезжать" – не очень хорошо) запугивать и родители вынуждены замолчать. Кто-то смелый заявляет,

и его ребенок становится, извините, буквально жертвой и вынужден в конце концов перейти в другую школу.

А.В. КОВАЛЕНИН

Есть опасение, что...

Е.Б. МИЗУЛИНА

А сейчас я хотела бы... Вот попутно... Смотрите (мы обсуждаем по школьным психологам), мне пришла информация: в Казани школьный психолог надругался над девочкой (девочке 10 лет) и покончил с собой прямо в здании школы. Здесь звучал в одном из выступлений тезис, что у нас основное насилие идет из семьи. Это не так. В России, особенно... В связи с тем что очень много мер поддержки, у нас не случайно такая рождаемость – она превзошла все прогнозируемые результаты, уровень, суммарный коэффициент и общий коэффициент рождаемости. Но поддержка... Действительно, очень много поколений, и все хотят теперь воспитывать детей, поэтому столько споров из-за детей сегодня. И это тоже показатель того, что ребенок сегодня – это ценность в семье, и хорошее отношение... Но очень много рисков для детей: педофилия страшнейшая...

Кстати, Интернет... У меня сейчас исследование центра стратегических исследований, что происходит с порнографией, с детской порнографией в Интернете, какое идет растение. Как защитить?.. А от Интернета ребенка не оторвешь, это современные технологии. Можно ограничивать время нахождения, но невозможно полностью оторвать. Не через Интернет, так на гаджеты (на телефоны) придет соответствующая информация.

А вот эти риски, когда рядом с детьми, к сожалению, педофилы!.. Они ищут пути, как проникнуть к детям, чтобы быть рядом с ними. И это тоже очень большие, серьезные риски. В Перми сегодня митинги тоже против педофилов и так далее. Так что на самом деле много что нам надо решать. И, конечно, школа-то уж точно должна быть безопасным местом для ребенка. Родители не должны беспокоиться за то, что с их детьми что-то произойдет, когда они в школе. Сегодня, к сожалению, это не так, это все в системе... И родитель как был, так и остается главным правозащитником своих детей. Это просто презумпция, из этого мы должны исходить, когда предлагаем меры политики, в том числе применительно к родительско-детским отношениям.

Иванов Михаил Владимирович, старший научный сотрудник отдела детской психиатрии ФГБНУ "Научный центр психического здоровья". Тема – "Необходимость охраны психического здоровья семьи и подрастающего поколения".

Михаил Владимирович, все уже очень устали. Вы выскажите буквально самые основные предложения для рекомендаций. Две минуты.

И у нас заключительный выступающий – Бондаренко Николай Николаевич.

М.В. ИВАНОВ

Глубокоуважаемые Елена Борисовна и участники парламентских слушаний! Психическое здоровье – основа благополучия во всех смыслах. Все в организме взаимосвязано. Психическое состояние влияет на физическую сторону здоровья, психическое здоровье лежит в основе социального благополучия и всего мироустройства, то есть во многих направлениях. Поэтому охрана психического здоровья имеет не только архиважное значение для медицины, но и социально-государственное значение.

В последние годы отмечается увеличение количества психических заболеваний среди взрослых и детей, и у детей более... Так, с 2000 по 2015 год на 42 процента увеличилось число детей-инвалидов по психическим заболеваниям. И психическое нездоровье проявляется по-разному: с одной стороны, это различные задержки психического развития, аутизм, атипичные формы аутизма, а также это увеличение числа зависимых форм поведения – алкоголизм, наркомания среди молодежи, ну и нехимические формы зависимости – компьютерная зависимость и так далее.

Также настораживает всплеск суицидального поведения среди подростков, в том числе последние новости, которые мы получаем о суицидальных попытках после посещения интернет-ресурсов, а также случаи физического и сексуального насилия не только в семье, но и со стороны посторонних взрослых, а также со стороны сверстников.

Здесь отмечалась только физическая сторона (наказание, насилие), но забывают о дискуссионной проблеме психологического, эмоционального насилия, о вербальном проявлении агрессии, о нападках на самооценку. И как здесь дифференцировать, когда подросток говорит: "Мне запрещают это"? А подростку все родители запрещают. Ходить в шапке нужно, а подросток... То есть здесь очень тонкая психологическая грань. И субъективно подросток, конечно, будет отстаивать свою позицию и говорить, что, да, нападки на самооценку.

В профилактике деструктивных социальных явлений на первое место выходят психосоциальные факторы. Особая деструктивная психогенная роль отводится подрыву родительского авторитета, отказу от принципа презумпции добросовестности родителя. Об этом сегодня говорили Ольга Владимировна Леткова, отец Димитрий (Смирнов).

Про родителей хочется сказать... Родители в настоящий момент запуганы. К нам приходят родители с детьми, имеющими психические патологии. Они говорят: "Если ребенок впадёт в истерику, мы его хотим как-то физически сдерживать, но боимся его сдерживать, иначе привлечем внимание общественности и нас пригласят..." Испытывают проблемы... Я думаю, всем понятно.

Следующий момент – это влияние деструктивного контента в СМИ и Интернете. Это не только фильмы со сценами насилия, фильмы ужасов, это не только сцены табакокурения, но и сцены социальной, семейной девиации. В настоящее время в прайм-тайм в различных телешоу это демонстрируется, и эта модель поведения усваивается по механизму социального научения, прежде всего детьми-подростками, ну и взрослыми. Этот механизм давным-давно всеми психологами подтвержден, начиная с 60-х годов, с американских психологов Альберта Бандуры и других. И это хотели опротестовать. К сожалению, только подтверждали.

Следующий момент – это недостаток компетентных специалистов – детских психологов и детских психиатров. Первые имеются, их готовят, но возникают вопросы, связанные с их компетенцией или недостаточностью, доходят ли они до места, где их помощь нужна. Вторых – детских психиатров – с 80-х годов не готовят, а в 90-е годы и вовсе данная специальность была закрыта.

Следующий момент. Вместе с этим существует инициатива – концепция развития ранней помощи в России. В ее рамках предлагают подготовку нового специалиста – специалиста по ранней помощи. В докладе Анна Викторовна Швабауэр сегодня говорила о концепции ранней помощи. Попрошу обратить внимание на эту концепцию. Специалист по ранней помощи – это мультидисциплинарный специалист, не психолог, не педагог, не медик. Данная концепция и те, кто ее предлагает, не учитывают, и даже игнорируют, отечественный опыт разработок педагогов, психологов, медиков, опираются исключительно на зарубежный опыт и опыт, полученный уже в России социально ориентированными НКО.

В завершение хочется сказать... Много говорили про школу... Хотелось бы вернуться к словам Павла Алексеевича Астахова: необходимо ввести в школьный курс этику и психологию семейной жизни. Это в рамках всех социальных девиаций будет иметь профилактирующий характер. Благодарю.

И мы поддерживаем, конечно, все принципы, которые озвучила Ольга Владимировна Леткова. Мы неоднократно их обсуждали вместе с ней и поддерживаем. Благодарю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Татьяна Александровна, извините, пожалуйста...

Т.А. КРЫЛАТОВА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Буквально две фразы...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, не получается три слова, поверьте мне, как председательствующему. Не получится. Три слова оборачиваются в пять, семь и десять минут.

Бондаренко Николай Николаевич, председатель межрегионального общественного движения в поддержку православных образовательных и социальных инициатив "Пчелки", заместитель главного редактора "Человек и закон". Пожалуйста.

Н.Н. БОНДАРЕНКО

Уважаемые коллеги! Всё практически обсудили, совсем немножко добавлю.

В нашей национальной культуре, в том числе и в правовой, существовали такие области, которые, в общем-то, никогда не требовали какой-либо регламентации, то есть допускалась некая свобода. Но, на мой взгляд, в текущей ситуации, может быть, стоит подумать знаете о чем? Все-таки о необходимости регламентации вопросов воспитания. Родителям нужно дать исчерпывающий инструментарий для обеспечения их права и обязанности на воспитание детей, и так, чтобы, собственно, они могли осуществить это право, и так, чтобы за это им ничего не было. *(Смех в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо.

Н.Н. БОНДАРЕНКО

Да.

Здесь мы много говорили, как противодействовать вот этой социальной инженерии, а это действительно социальная инженерия, то есть многие понятия имеют манипулятивный характер, много говорят о насилии.

У меня есть такое предложение, я давно его пытаюсь как-то продвигать в дискуссии... На мой взгляд, имеет перспективу такое понятие, как "меры (или методы) физического сдерживания", то есть мы заменяем это манипулятивное насилие на физическое сдерживание. Мы прорабатываем это понятие и расширяем рамки, необходимые именно для осуществления права на воспитание. Но опять же ребенок...

Сегодня мы слышали от уважаемой коллеги о том, что надо советом воспитывать детей. Моему ребенку полтора годика, он залезает каждый раз на подоконник, и, ну, никак невозможно советом уговорить его. Понимаете? Ну, вот никак. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

У меня так же делал, я стояла рядом либо кто-то из взрослых стоял, держали его.

Н.Н. БОНДАРЕНКО

Поэтому многие рекомендации ООН просто не имеют практического смысла.

И необходимо, на мой взгляд, подумать о каких-то понятиях психологического воздействия, потому что невозможно без этого инструментария воспитывать детей, и морального воздействия. То есть мы не используем понятие "насилие". Я предлагаю подумать над этим. Это, мне кажется, очень важный вопрос.

Что еще хотел бы сказать? Мы с вами живем в демократическом государстве, и основные политические решения у нас принимаются все-таки на основании принципа плюрализма, то есть состязательности различных концепций, подходов. Но что касается области государственной семейной политики – здесь мы наблюдаем колоссальный диссонанс, диссонанс тем решениям, которые возникают в дискуссиях в родительских сообществах. И это, конечно, огромная проблема. То есть все эти решения, все законы, которые приняты в последние шесть-семь лет, колоссально диссонируют общественному мнению, разумному общественному мнению, разумному экспертному мнению, и это, конечно, огромная проблема. С одной стороны, иногда кажется, что все вот эти пути создания какой-то разумной государственной семейной политики необходимо сконцентрировать в едином министерстве, с другой стороны, мы понимаем: если бы это было так, то, может быть, мы бы вообще не имели права голоса, к сожалению, в этих антидемократических каких-то вещах, которые происходят. И нам нужно об этом прямо сказать – что все те меры, которые принимаются, совершенно антидемократические, с этим нужно что-то делать. Наверное, всё. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое.

Коллеги, сегодня в наших парламентских слушаниях приняли участие в итоге 84 человека (и из ряда регионов; я не посчитала, но у нас достаточно много участников из разных регионов; Ольга Леонидовна ушла, она из Севастополя, тоже хотела сказать несколько слов, но не дождалась) и выступили 23 человека.

Ряд рекомендаций есть в письменном виде, ряд, надеюсь... У нас есть неделя впереди. Если у вас есть тексты выступлений несостоявшихся или тех... но вы хотели бы более объемный материал дать, пожалуйста, всё присылайте нам. Вера Алексеевна Соболева (от комиссии), помощник, и Галина Анатольевна Славинская (от комитета) всё это соберут. Свои координаты они вам дадут.

Мы готовим проект рекомендаций. Тем, кто хочет посмотреть проект, который мы подготовим до того, как вынесем на заседание комитета, пожалуйста, мы его обязательно пришлем.

Я благодарю всех, кто принимал участие сегодня в обсуждении. Была очень интересная и содержательная дискуссия, очень полезная, я думаю, очень полезная для всех нас, кто действительно

хочет ситуацию сдвинуть с места и сделать так, чтобы законодательство было и качественным, и сбалансированным, и российским, и современным.

Ольга Александровна, благодарю Вас за то, что Вы нашли время. Я знаю, что Вы не только заняты, но у Вас еще и некоторое недомогание, но, несмотря на это... Вы очень мужественный человек. Спасибо Вам большое. То, что мы с Вами спорим, дискутируем и Вы без заносчивости все это разъясняете, объясняете, и терпение... – это замечательное качество. Я Вас знаю давно и очень глубоко уважаю. Мы можем расходиться в каких-то точках зрения, но это никак не влияет на наши отношения, на уважение и мое личное желание всегда выслушать и Вашу точку зрения обязательно, потому что она оказывает влияние на окончательное решение даже при расхождениях, это безусловно. Это безусловно. Наверное, в этом и есть принцип общественного согласия, когда мы умеем слушать друг друга, слышать и находить оптимальное решение.

В споре всегда истина посередине. И наши парламентские слушания, мне представляется, сегодня такую возможность дали. Очень много было дельных предложений. Я исписала три листа и знаю, что это не полностью. Мы еще посмотрим стенограмму, потому что выступления были очень интересные.

Еще раз благодарю и обращаюсь ко всем: пожалуйста, присылайте ваши предложения к рекомендациям парламентских слушаний. На основе этих предложений мы сейчас их сформулируем. И первичный выход... Разные есть предложения, в том числе и адресованные Верховному Суду, но первичный выход – нам надо сейчас законопроект, по меньшей мере в той части, где согласие достигнуто – лишение, ограничение, отобрание и статьи 121, 122, 123 – обследование условий жизни, выявление, признание статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей при живых родителях (это статья 121)... вот это нам надо, мне думается, вносить.

Подготовить законопроект, еще раз обсудить (но, может быть, на более узкой площадке, не как парламентские слушания, а с кругом заинтересованных специалистов, кто может работать с текстами), посмотреть, может быть, выставить публично, пусть люди читают, это касается всех, и вносить его в порядке законодательной инициативы. Договорились?

Благодарю всех, кто сегодня пришел. Очень рада, что принимали участие Марина Львовна, Любовь Борисовна и другие наши коллеги.

Елена Александровна, очень рада, что Вы тоже сегодня с нами. Все это полезно.

И спасибо всем за совместную работу.

Вам желаю всего самого-самого. Мы к вам приедем на следующей неделе. 4 апреля мы в Санкт-Петербурге будем обсуждать ваш альтернативный доклад по изъятиям. Спасибо.

Николай Николаевич, сегодня не удалось, не вписалось, но в следующий раз... Я все это видела. Мишустин Николай Николаевич тоже с нами. Так что надеемся и на ваш конструктив.
